

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

№ 3 (31)

ВОЛГОГРАД — 2012

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА № 3 (31) 2012

Судебная экспертиза. Выпуск 3 (31) 2012: научно-практический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2012. — 112 с.

Журнал основан в 2004 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Регистрационный номер Роскомнадзора
ПИ № ФС77— 47195 от 3 ноября 2011 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **46462**

*При перепечатке или ином воспроизведении материалов
журнала «Судебная экспертиза» ссылка на источник обязательна*

© Волгоградская академия МВД России, 2012

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Главный редактор — начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук **В. И. Третьяков**.

Заместитель главного редактора — начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Н. Н. Шведова**.

Состав редакционного совета

1. **В. В. Мартынов**, начальник Экспертно-криминалистического центра МВД России, кандидат технических наук.

2. **Т. В. Аверьянова**, первый заместитель начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России, доктор юридических наук, профессор.

3. **Е. Р. Россинская**, директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. А. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

4. **Н. П. Майлис**, профессор кафедры трасологии и оружейведения Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

5. **А. Ф. Вольнский**, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

7. **С. А. Смирнова**, директор Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции России, доктор юридических наук, профессор.

6. **В. Ф. Орлова**, главный эксперт Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции России, доктор юридических наук, профессор.

8. **Ю. С. Чичерин**, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук, доцент.

9. **Н. В. Павличенко**, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, доцент.

10. **А. А. Тихонов**, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

11. **В. А. Ручкин**, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

12. **М. В. Бобовкин**, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

13. **В. Б. Вехов**, профессор кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

14. *Е. А. Зайцева*, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

15. *А. Г. Егоров*, профессор кафедры трасологии и баллистики Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

16. *В. Н. Хрусталеv*, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор.

17. *И. В. Запороцкова*, заведующая кафедрой судебной экспертизы и химического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

18. *С. Г. Еремин*, профессор кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

19. *А. А. Проткин*, начальник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

20. *И. В. Латышов*, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры трасологии и баллистики Волгоградской академии МВД России.

21. *А. А. Курин*, начальник кафедры криминалистической техники Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.

22. *Е. В. Давыдов*, начальник кафедры исследования документов Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

23. *Н. В. Ходякова*, начальник кафедры информатики и математики Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

24. *Н. А. Анчабадзе*, профессор кафедры исследования документов Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

25. *Е. Н. Трофимов*, доцент кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

26. *О. А. Барина*, старший преподаватель-методист учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности (ответственный секретарь).

РУБРИКИ ЖУРНАЛА «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

- 1. «Организационно-правовые аспекты судебно-экспертной деятельности и использования специальных знаний в судопроизводстве»**
- 2. «Проблемы теории и практики судебных экспертиз и исследований»**
- 3. «Информационные технологии в судебно-экспертной деятельности»**
- 4. «Профессиональная подготовка судебных экспертов»**
- 5. К юбилею Белкина Рафаила Самуиловича**

Технический редактор *Л. Н. Портышева*
Корректор *С. Н. Ненькина*
Перевод *А. А. Кафтановой*
Компьютерная верстка *О. С. Юричевой*
Дизайн обложки *Н. Н. Грибановой*

Волгоградская академия МВД России. Редакционно-издательский отдел.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ОПиОП ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 26.09.2012 г. Формат 60X84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Физ. печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 500. Заказ 46.

Обращение редакции журнала «Судебная экспертиза»

Редакция обращает внимание авторов, читателей и подписчиков, что со второго полугодия 2012 г. журнал будет распространяться только по подписке (подписной индекс в каталоге РОСПЕЧАТЬ — 46462).

Бесплатная рассылка журнала, обусловленная отсутствием подписки на первое полугодие 2012 г., больше осуществляться не будет.

Правом приоритетного опубликования рукописей статей в журнале «Судебная экспертиза» будут пользоваться подписчики журнала. При предоставлении в редакцию рукописи для опубликования, помимо обязательных документов (см. «Требования, предъявляемые к рукописям статей»), необходимо прилагать копию подписной квитанции, что предусмотрено «Положением о журнале «Судебная экспертиза».

С уважением редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

<i>Россинская Е. Р.</i> Комплексные судебные экспертизы: гносеологическая и процессуальная составляющие	10
<i>Овсянников И. В.</i> Проблемы использования специальных знаний при рассмотрении сообщений о преступлениях	18
<i>Третьяков Ю. В.</i> Специальные экономические знания как самостоятельная пограничная область знаний	27

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Закатов А. А., Кочубей А. В.</i> Технология решения экспертных задач по исследованию микрообъектов (один из вариантов)	32
<i>Курин Г. И., Попов А. И.</i> О совершенствовании методики исследования объемных следов пальцев рук	41
<i>Янин С. А., Шумигай И. Н.</i> Организационно-тактические аспекты назначения фоноскопической судебной экспертизы при расследовании хищений, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения ...	47
<i>Смотров С. А., Шебанов П. В.</i> Криминалистическая экспертиза в «полевых» условиях	56
<i>Кайргалиев Д. В., Васильев В. А., Курин А. А., Гладырев В. В., Печников Г. А.</i> Новое в метрологии для судебных экспертов	62

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Федоренко В. А., Корнилов М. В., Сидак Е. В.</i> Повышение эффективности работы баллистических идентификационных систем за счет применения растровых электронной микроскопии и цифровых технологий	70
<i>Карданов Р. Р.</i> Концепция создания и использования информационно-аналитической базы следов применения огнестрельного оружия при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с терроризмом	79

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

<i>Ходякова Н. В.</i> Проектирование образовательных сред подготовки компетентных экспертов-криминалистов	84
--	----

<i>Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф.</i> Особенности подготовки специалистов экспертного профиля в Волгоградской академии МВД России по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» в условиях перехода к новым образовательным стандартам	90
---	----

К ЮБИЛЕЮ БЕЛКИНА РАФАИЛА САМУИЛОВИЧА

<i>Россинская Е. Р.</i> Воспоминания о моем отце — профессоре Р. С. Белкине	98
---	----

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	107
------------------------------------	-----

CONTENTS

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

<i>Rossinskaya E. R.</i> Comprehensive forensic examinations: gnoseological and procedural components	10
<i>Ovsyannikov I. V.</i> Problems of the use of special knowledge while considering crime reports	18
<i>Tretyakov Y. V.</i> Special economic knowledge as the independent interdisciplinary branch of knowledge	27

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

<i>Zakatov A. A., Kochubey A. V.</i> Technology of resolving expert problems related to the examination of microobjects (one of possible variants)	32
<i>Kurin G. I., Popov A. I.</i> About the improvement of the methods of examination of volumetric fingerprints	41
<i>Yanin S. A., Shumigay I. N.</i> Organizational and tactical aspects of the assignment of forensic phonoscopic examination while investigating thefts committed by military servants using their service rank	47
<i>S. A. Smotrov, Shebanov P. V.</i> Forensic examination under the field conditions	56
<i>Kayrgaliev D. V., Vasiliev V. A., Kurin A. A., Gladyshev V. V., Pechnikov G. A.</i> New trends in the metrology for forensic experts	62

INFORMATION TECHNOLOGIES USED IN FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

<i>Fedorenko V. A., Kornilov M. V., Sidak E. V.</i> Improvement of efficiency of the ballistic identification systems' functioning due to the application of raster electron microscopy and digital technologies	70
<i>Kardanov R. R.</i> Conception of creation and use of the information and analysis base of traces of application of firearms in investigation and clearance of terrorist crimes	79

OCCUPATIONAL TRAINING OF FORENSIC EXPERTS

<i>Khodyakova N. V.</i> Projecting of educational environments of competent forensic experts' training	84
<i>Davydov E. V., Finogenov V. F.</i> Peculiarities of training expert specialists in gabiscopy and portrait analysis at the volgograd academy of the ministry of interior of russia under the conditions of transition to new educational standards	90

FOR THE ANNIVERSARY OF RAPHAEL SAMUILOVICH BELKIN

<i>Rossinskaya E. R.</i> Memories of my father professor R. S. Belkin	98
---	----

CONTACT INFORMATION	107
----------------------------------	-----

Е. Р. Россинская,

директор Института судебных экспертиз,
заведующая кафедрой судебных экспертиз
Московской государственной юридической академии
им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

**КОМПЛЕКСНЫЕ СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ:
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ**

В статье рассматриваются проблемы комплексных судебных экспертиз с точки зрения их гносеологической природы и процессуального законодательства. Обосновываются признаки комплексной экспертизы, возможность ее производства одним экспертом. Даны предложения по совершенствованию законодательной регламентации комплексных экспертиз.

Ключевые слова: законодательная рекомендация, судебная экспертиза, эксперт, процессуальное законодательство.

E. R. Rossinskaya,

Director of the Institute of Forensic Examination, Head
of the Chair on Forensic Examination of the Moscow State Law Academy
n.a. O. E. Kutafin, Doctor of Science (Law), Professor

**COMPREHENSIVE FORENSIC EXAMINATIONS:
GNOSEOLOGICAL AND PROCEDURAL COMPONENTS**

The author analyzes the problems of comprehensive forensic examinations from the viewpoint of their gnoseological nature and procedural legislation. The article gives grounds for the specific features of comprehensive forensic examination and the possibility of its conduct by one expert. The author makes proposals for improving the legislative regulation of comprehensive forensic examinations.

Keywords: legislative regulation, forensic examination, expert, procedural legislation.

Задолго до процессуальной регламентации комплексных судебных экспертиз в 80-е годы XX в. в криминалистике, а позднее в теории судебной экспертизы сформировалась устоявшаяся точка зрения, разделяемая также и нами, о разграничении понятий комплекс экспертиз, комплексное исследование в рамках одной экспертизы, комплексная экспертиза [1].

По одному уголовному или гражданскому делу можно производить *комплекс различных судебных экспертиз* как в отношении одного и того же объекта, так и группы объектов. Например, по документу, содержащему рукописный текст, подпись и печать, возможно назначение целого комплекса судебных экспертиз:

- судебная дактилоскопическая экспертиза следов рук на документе (не оставлены ли эти следы конкретными лицами);
- судебная почерковедческая экспертиза рукописного текста (не выполнен ли текст данным лицом);
- судебно-техническая экспертиза документов (для проверки подлинности подписи и печати).

При этом судебные экспертизы выполняются самостоятельно, а каждая оформляется отдельным заключением. Обязанностью руководителя экспертного учреждения является решение вопроса о последовательности производства этих судебных экспертиз, поскольку при осуществлении экспертных исследований в объект экспертизы могут быть внесены изменения.

В рамках экспертизы одного рода (вида) может выполняться *комплексное исследование* одних и тех же вещественных доказательств с использованием различных методов, однако такое исследование не является комплексной экспертизой, даже если оно выполнено комиссией экспертов. Например, при исследовании частиц лакокрасочных покрытий могут использоваться методы элементного анализа для исследования пигмента, наполнителя и молекулярной спектроскопии для исследования связующего. Исследование может производиться как одним экспертом, владеющим этими методами, так и разными экспертами, каждый из которых специализируется в каком-то одном методе, но все они, являясь специалистами в экспертизе ЛКП, владеют и другими методами исследования.

Несмотря на то, что в постановлениях о назначении подобных экспертиз часто фигурирует термин «комплексные», они, по нашему мнению, таковыми не являются и представляют собой экспертизы с использованием комплекса методов в пределах одного и того же вида судебной экспертизы. Это утверждение коррелирует с классификаторами судебных экспертиз, утвержденными приказами различных ведомств [2] для проведения аттестаций государственных судебных экспертов. Напомним, что в соответствии с теорией судебной экспертизы современные классификации судебных экспертиз осуществляются не по методам экспертных исследований, которые во многом являются общими для разных родов экспертиз (общеекспертными) [3], а по исследуемым объектам в совокупности с решаемыми задачами [4].

Комплексной является такая экспертиза, при производстве которой решение вопроса невозможно без одновременного совместного участия экспертов различных родов (видов) судебных экспертиз в написании заключения (или его синтезирующей части) и формулировании общего вывода. Очевидно, что при

этом каждый эксперт обладает не только узкой специализацией, но и знаниями в пограничных областях наук, которые использованы при даче заключения [4].

Правомерность и необходимость комплексной судебной экспертизы вызывала ожесточенные споры и несогласие процессуалистов еще до того, как комплексные экспертизы получили законодательное закрепление. Принятие Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73—ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ ГСЭД) (ст. 23), а также процессуальная регламентация производства комплексных экспертиз [5], казалось бы, должны были положить конец этой многолетней дискуссии в криминалистической и процессуальной литературе. Однако среди процессуалистов и криминалистов все еще нет единого подхода к этой проблеме.

Законодатель указывает, что каждый судебный эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, производит исследования и подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Выводы, сделанные экспертом самостоятельно, без участия специалистов иных областей знания, подписываются им единолично. Другими словами, те части исследования и выводы, которые эксперт осуществляет самостоятельно, в принципе, могут рассматриваться как отдельные экспертизы, которые могут выполняться по отдельному постановлению (определению) даже в другом экспертном учреждении. То есть фактически здесь имеет место комплекс экспертиз. Если же для ответа на вопрос требуется совместное участие специалистов разных родов экспертиз, а таких вопросов, как правило, в комплексной экспертизе немного, каждый эксперт излагает свою часть исследования, а затем результаты объединяются в синтезирующей части и выводы подписываются всеми участвовавшими в экспертизе экспертами.

Анализ ст. 23 ФЗ ГСЭД, 82 ГПК, 85 АПК РФ показывает, что в наибольшей степени отвечающей сущности комплексной судебной экспертизы является формулировка ст. 82 ГПК РФ, где указывается, что комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует *одновременного* проведения исследований с использованием *различных областей знания* или с использованием *различных научных направлений* в пределах одной области знания (курсив мой, Е. Р.). Кроме того, по результатам проведенных исследований эксперты *формулируют общий вывод* об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое *подписывается всеми экспертами*.

В ст. 85 АПК РФ и ст. 23 ФЗ ГСЭД уже не упоминается об одновременном участии экспертов, но все-таки указывается на то, что эксперты, компетентные в оценке полученных результатов, *делают общий вывод*. Таким образом, один из основных элементов, указывающих на комплексность, а именно совместное одновременное участие экспертов различных специальностей — отсутствует.

В ст. 201 УПК РФ говорится только, что комплексной является экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей; каждый

эксперт, участвовавший в ее производстве, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Здесь уже отсутствует не только упоминание совместного участия, но ничего не говорится об общем выводе экспертов разных специальностей. Получается, что комплексность отсутствует вообще, и такую экспертизу, в принципе, можно заменить комплексом последовательно или параллельно осуществляемых экспертиз.

Некоторые ученые-процессуалисты, например, профессор Ю. К. Орлов, полагают, что «комплексная экспертиза является разновидностью комиссионной. Именно так она определена ст. 22,23 ФЗ ГСЭД» [6]. Он указывает, что признаками комплексной экспертизы является участие в ее производстве экспертов разных специальностей и дача ими совместного заключения на основе не только лично проведенных исследований, но и по результатам исследований, проведенных другими экспертами. При этом он оперирует примерами из практики уголовного судопроизводства, хотя, как мы показали выше, в ст. 201 УПК нет ни слова о совместном заключении.

Кроме того, как уже отмечалось нами, дача заключения с использованием результатов исследований, полученных при производстве других экспертиз, имеет место и при производстве комплекса экспертиз. Таким образом, этот признак не является отличительной чертой именно комплексных экспертиз.

Далее Ю. К. Орлов, давая толкование процессуальной сущности комплексной экспертизы, указывает, что «в составлении синтезирующей части и формулировании общих выводов могут принимать участие не все эксперты, а только эксперты широкого профиля, компетентные в общем предмете исследования. Эксперты узкого профиля, не компетентные в этом предмете, после формулирования ими промежуточных выводов в дальнейшем исследовании не участвуют». Что имеется в виду под широким профилем, нам неясно. В теории судной экспертизы и в криминалистике такое понятие отсутствует. Нет его и в уголовно-процессуальной науке.

Но исследования, в результате которых формулируются промежуточные выводы, поскольку они выполняются не экспертами, подписывающими общее заключение, можно рассматривать как отдельную, как бы «вложенную» экспертизу. Она может быть назначена отдельным постановлением (определением) и выполнена вообще в другом экспертном учреждении. Также не является комплексной экспертиза, представляющая собой последовательный ряд исследований, выполненных экспертами разных специальностей, в том случае, когда каждое следующее исследование опирается на результаты предыдущего, но совместно никакие вопросы не решаются.

Нельзя согласиться и с подходом профессора Ю. К. Орлова к понятию комплексное исследование, когда он утверждает, что «комплексным исследованием является, например, экспертиза, проводимая одним экспертом, обладающим

специальными знаниями в нескольких отраслях (например, медиком-баллистом)» [6], то возникает закономерный вопрос, какую экспертизу должен назначить следователь и какова должна быть специализация эксперта (его специальные знания в соответствии с классификаторами, используемыми в государственных экспертных учреждениях)? С другой стороны, если эта же экспертиза выполняется двумя экспертами: медиком и баллистом — она, без сомнения, является комплексной. Гносеологическая сущность комплексной экспертизы, по нашему мнению, — это комплексный анализ признаков.

Здесь возникает другая «вечная» тема для дискуссии между процессуалистами и криминалистами (теоретиками судебной экспертизы): о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом.

Еще в 70-е г. XX в. Г. П. Аринушкин, поднимая вопрос о необходимости процессуальной регламентации комплексной экспертизы, в качестве главного ее признака указывал, что она всегда выполняется не менее, чем двумя экспертами, т. е. является комиссионной [7]. Возражая ему, Н. А. Селиванов писал, что деление экспертизы на виды должно осуществляться по гносеологическому основанию, а не по количеству лиц, участвующих в исследованиях; исследование на стыке двух или большего числа видов экспертиз комплексно, даже если его проводит одно лицо, обладающее знаниями из нескольких смежных отраслей [8]. Эту же точку зрения разделял А. Р. Шляхов, утверждая, что комплексную экспертизу может производить одно лицо, если оно владеет методикой комплексного решения вопросов [9]. Р. С. Белкин полагал, что возможность производства комплексной судебной экспертизы одним лицом, профессионально владеющим знаниями в нескольких областях науки и техники, настоятельно требует законодательной регламентации [10]. Поддерживая позицию вышеуказанных авторов, мы также отстаивали необходимость процессуальной регламентации комплексных экспертиз и возможность производства ее одним экспертом, обладающим специальными знаниями в различных родах (видах) экспертизы [11]. В настоящее время в пользу такого решения высказывается большинство криминалистов и теоретиков судебной экспертизы, а также целый ряд процессуалистов.

Однако предложение о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом отвергается процессуалистами на основании того, что «такая трактовка комплексной экспертизы прямо противоречит закону (УПК и ФЗ ГСЭД), а такая экспертиза никаких процессуальных особенностей не имеет и поэтому не может быть выделена в отдельный процессуальный вид экспертизы» [6]. Но если процессуальной особенностью является выполнение экспертизы не менее чем двумя экспертами, характер специальных знаний значения не имеет, как в указанном выше примере медика и баллиста, то чем тогда комплексная экспертиза отличается от комиссионной. Если отличие заключается в том, что каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая отвечает произве-

денным им исследованиям, то где отличие от комплекса экспертиз. Напомним, что формулирование общего вывода экспертами, производившими комплексную экспертизу, есть далеко не во всех процессуальных кодексах. В ст. 201 УПК оно отсутствует.

Не вносят ясности в проблему и разъяснения, данные в п. 12 Постановления Пленума Верховного суда РФ [12], где в отличие от ст. 201 УПК указывается, что «...каждый эксперт вправе подписать общее заключение... ..Если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам». Однако неясно, что такое комплексное исследование и можно ли отнести комплексную экспертизу, произведенную одним экспертом, к подобным исследованиям? [13].

Анализ экспертной практики показывает, что во многих случаях комплексную экспертизу, произведенную одним экспертом, следователи и судьи впоследствии отвергают именно на этом основании, ссылаясь на статьи ст. 82 ГПК; 85 АПК; 201 УПК РФ. С другой стороны, большинство судебных экспертов, получающих высшее профильное образование по специальности «судебная экспертиза» в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования 3-го поколения, владеют сразу несколькими экспертными специальностями и вполне могут выполнять единолично комплексные экспертизы.

Полагаем, что причиной непрекращающейся дискуссии является смешение процессуальных и гносеологических аспектов, касающихся комплексной судебной экспертизы.

Думается, что решение вопроса и прекращение споров может быть достигнуто, если внести в законодательство следующие изменения:

В ст. 9 ФЗ ГСЭД (а в дальнейшем в статье нового закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ») необходимо определить понятие *комплексной экспертизы как экспертизы, при производстве которой решение вопроса невозможно без синтеза знаний, относящихся к различным родам (видам, подвидам) экспертиз*. Таким образом, гносеологический аспект комплексной экспертизы не будет иметь процессуального содержания и не связан с числом лиц, ее производящих.

Необходимо унифицировать подходы к комплексной экспертизе в ФЗ ГСЭД, УПК, АПК и ГПК РФ, причем в этих статьях не должно даваться понятие комплексной экспертизы, которое дано в Федеральном законе «О судебно-экспертной деятельности».

Редакция статьи о комплексной экспертизе может быть, например, такой:

1. Комплексная экспертиза назначается, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием

специальных знаний, относящихся к различным родам (видам, подвидам) экспертиз.

2. Комплексная экспертиза поручается одному или нескольким экспертам. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

3. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. В случае возникновения разногласий между экспертами результаты исследований оформляются в соответствии с ...

Мы намеренно определяем комплексную экспертизу не через различные области знаний или специальности экспертов (понятия расплывчатые, и толкуемые как угодно), как это сделано в современном законодательстве, но через роды, виды и подвиды судебных экспертиз. Подобный подход значительно более обоснован с точки зрения теории судебной экспертизы, поскольку понятие различные области знания теоретически никак не определено. Что касается родов и видов экспертиз, то их классификации давно устоялись, а главное, существует целый ряд нормативных документов, позволяющих именно так формализовать виды специальных знаний.

При оценке компетенции экспертов, производящих комплексные экспертизы как единолично, так и в составе комиссии, суд (следователь) может основываться на ведомственных квалификационных свидетельствах («допусках») экспертов, сертификатах негосударственных экспертов и дипломах о высшем экспертном образовании. Все эти документы выдаются на право производства конкретных родов или видов экспертиз. Развитие системы высшего экспертного образования, а также системы добровольной сертификации негосударственных экспертов обуславливает вектор определения специальных знаний именно через роды и виды экспертиз, а не области научного знания, как это было 40—50 лет назад.

Полагаем, что комплекс экспертиз не нуждается в законодательной регламентации так же, как и комплексное исследование — понятие методическое, которое необходимо для точного определения компетенции экспертов внутри одного вида или рода экспертиз.

Список библиографических ссылок

1. Россинская Е. Р. О доказательственном значении результатов комплексного исследования вещественных доказательств // Проблемы уголовного процесса и криминалистики: сб. материалов III Межвузовской науч.-практ. конф. во

ВНИИ МВД СССР. М., 1982. С. 26—31; Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985. С. 30—36; Седова Т. А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985. С. 40—45; Шляхов А. Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985. С. 3—20; Россинская Е. Р. Комплексные криминалистические экспертизы с применением рентгеновских методов исследования материалов, веществ и изделий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.

2. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511; Приказ МЧС России от 19.08.2005 г. № 640; Приказ Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 347 и др.

3. Россинская Е. Р. Общеэкспертные методы исследования вещественных доказательств и проблемы их систематизации // 50 лет НИИ криминалистики: сб. науч. трудов. М., 1995. С. 46—52.

4. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: учебник для вузов. М., 2009; Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006.

5. Ст. 82 ГПК; 85 АПК; 201 УПК РФ.

6. Орлов Ю. К. Комплексная экспертиза, комплексное исследование и комплекс экспертиз: соотношение понятий // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 2-ой Международ. науч.-практ. конф. (г. Москва, 24—25 июня 2009 г.). М., 2009.

7. Аринушкин Г. П. Комплексная экспертиза требует регламентации // Социалистическая законность. 1977. № 10.

8. Селиванов Н. А. Спорные вопросы судебной экспертизы // Социалистическая законность. 1978. № 5.

9. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза — организация и проведение. М., 1979.

10. Белкин Р. С. Методические проблемы комплексной экспертизы // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

11. Россинская Е. Р., Зернов С. И. Естественно-научные и правовые аспекты комплексных экспертиз по делам о пожарах // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы. М., 1987.

12. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного суда № 28 от 21 декабря 2010 г.

13. Моисеева Т. Ф. Дискуссионные аспекты процессуальной регламентации судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза / под общ. ред. С. П. Кушниренко. СПб., 2012. С. 376.

© Россинская Е. Р., 2012

И. В. Овсянников,

профессор кафедры уголовного процесса

Воронежского института МВД России, доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с требованиями властными участниками уголовного судопроизводства от сведущих лиц производства специальных исследований при рассмотрении сообщений о преступлениях с использованием результатов подобных исследований в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении; производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов; доказательственное значение справки об исследовании.

I. V. Ovsyannikov,

Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Voronezh Institute

of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor

PROBLEMS OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE WHILE CONSIDERING CRIME REPORTS

The article focuses on the problems related to the power-wielding participants of criminal proceedings demanding from the appropriate experts to conduct special examinations while considering crime reports with the further use of the results of these examinations in criminal proceedings.

Keywords: verification of a crime report, conduct of documentary verification, inspection, examination of documents, objects or corpses; evidential significance of an examination certificate.

Согласно ч.1 ст.144 УПК РФ (в ред. Федеральных законов от 09.03.2010 г. № 19-ФЗ, от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ) при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное

для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

По смыслу ч. 3 ст. 144 УПК РФ законодатель допускает ситуации, когда производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов необходимо, но не указывает, что же это за ситуации.

Остается без ответа и возникающий у правоприменителя вопрос о том, в каких случаях у дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа возникает право требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов.

Возникают и многие другие вопросы.

1. Что такое «документальная проверка»?
2. Что такое «ревизия»? Каковы приемы и операции при сборании сведений в ходе ревизии?
3. О каких именно документах, предметах, трупах идет речь и как они попадают в распоряжение должностных лиц, проверяющих сообщение о преступлении, или в распоряжение лиц, производящих исследования?
4. О какой необходимости (о необходимости для чего) идет речь в ч. 3 ст. 144 УПК РФ? Кто и в каком порядке вправе или должен решать, есть такая необходимость или ее нет?
5. От кого дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов?
6. Какова должна быть форма этого требования и как оно должно предъявляться?
7. Кто и когда обязан или вправе производить документальные проверки, ревизии, исследования документов, предметов, трупов?
8. Каковы полномочия и процессуальный статус лица, производящего документальную проверку, ревизию, или лица, производящего исследования документов, предметов, трупов?
9. Каким образом и в каком порядке следует оформлять результаты документальных проверок, ревизий или результаты исследований документов, предметов, трупов?
10. Кем и как должны возмещаться расходы по производству документальных проверок, ревизий, исследований?

Ответов в законе нет. Сложившаяся ситуация размывает пределы полномочий властных участников уголовного судопроизводства. Это не соответствует новому правозащитному назначению уголовного судопроизводства.

Наконец, правоприменителю непонятно главное: какая связь между **требованием** производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, **самим производством** документальных проверок, ревизий, исследований и **принятием процессуального решения по сообщению**

о преступлении? Каким образом полученные результаты могут использоваться в уголовном судопроизводстве, в процессе доказывания, и могут ли вообще использоваться?

Трудно представить, чтобы при регламентации уголовного судопроизводства правозащитного назначения в законе был бы только упомянут, например, допрос или обыск, но не были бы оговорены порядок производства допроса, порядок производства обыска, права и обязанности допрашиваемых, порядок получения в суде разрешения на обыск в жилище и т. д.

Однако сегодня в действующем уголовно-процессуальном законе полностью отсутствуют регламентация порядка требования производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, регламентация порядка самого этого производства или исследований, регламентация порядка передачи, получения и использования властными участниками уголовного судопроизводства результатов этого производства или исследований. Такое положение само по себе уже чревато нарушениями прав и законных интересов граждан.

Важен вопрос о доказательственном значении результатов документальных проверок, ревизий, исследований, выполненных по требованию дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. В науке уголовного процесса этот вопрос решается неоднозначно.

Так, по мнению Е. А. Зайцевой, перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ документальные проверки, ревизии, исследования документов, предметов, трупов являются непроцессуальными формами применения специальных познаний; при этом универсальным способом вовлечения полученных таким способом сведений в уголовно-процессуальное доказывание выступают документы-доказательства [1, с. 18—19]. Е. А. Зайцева пишет: «Как мы ранее отмечали, экспертные познания находят свою реализацию и в непроцессуальной форме — в ходе так называемых **предварительных исследований**. Правовая природа этих исследований должна рассматриваться через призму закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственных нормативных актов, регламентирующих соответствующую деятельность в различных силовых ведомствах, включающих в свою структуру экспертные службы. Сотрудники этих служб, участвуя в оперативно-розыскной деятельности, по заданиям оперативных подразделений проводят предварительные исследования предметов и документов, т. е. осуществляют ОРМ (здесь и далее — оперативно-розыскное мероприятие), предусмотренное п. 5 ч. 1 ст. 6 закона об ОРД.

Результат предварительного исследования как непроцессуальной формы применения специальных познаний оформляется в виде документа — справки об исследовании (пп. 41, 42, 55.4, 55.5 Наставления), который может вовлекаться в орбиту уголовно-процессуального доказывания **исключительно в качестве**

документов-доказательств (или «иных документов», как их именует законодатель в контексте ч. 2 ст. 74 УПК РФ)» [1, с. 19—20].

Иное мнение высказывает Я. М. Мазунин, который полагает, что предложение об отнесении актов или справок специалиста к иным документам противоречит требованиям действующего уголовно-процессуального законодательства, что справку (акт) исследования нельзя отнести к иным документам как по содержанию, так и по их происхождению, в отличие от результатов ведомственных проверок. Вместо этого Я. М. Мазунин предлагает для вовлечения в процесс доказывания результатов исследований допрашивать специалиста в качестве свидетеля [2]. Е. А. Зайцева тоже полагает, что «процессуальная фигура сведущего свидетеля позволяет «легализоваться» в рамках уголовного судопроизводства лицам, применявшим свои специальные познания в непроцессуальной форме» [14].

К сожалению, мы не можем полностью согласиться ни с одним из этих уважаемых авторов.

С Е. А. Зайцевой следует согласиться в том, что производство документальных проверок, ревизий, исследований являются **непроцессуальными** действиями, то есть непредусмотренными и нерегламентированными УПК РФ. Но согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ собрание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных **процессуальных** действий, предусмотренных УПК РФ. Следовательно, собрание доказательств в ходе уголовного судопроизводства дознавателем или следователем не путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, а какими-либо иными путями, будет нарушением требований УПК РФ.

Конституционный суд РФ в своих определениях неоднократно указывал, что проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-разыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом установлена специальная процедура [3, 4].

Так, в ходе уголовного судопроизводства по общему правилу сведения об обстоятельствах дела от сведущего лица должны быть получены лицом, ведущим производство по уголовному делу, в форме заключения и показаний эксперта (п.3 ч. 2 ст. 74; пп. 1, 2 ст. 80 УПК РФ) путем назначения и производства судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ). Если же сведения от сведущего лица получены по инициативе следователя или дознавателя (на основании требования, поручения, запроса, отношения и т. п.), но не путем назначения и производства судебной экспертизы, а путем выполнения сведущим лицом непроцессуальных исследований объектов (без соблюдения соответствующего процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы) и оформлены в виде акта, справки и т. п., то такие сведения получены с нарушением требований УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ такие сведения нельзя признать допустимыми доказательствами, они не имеют юридической силы и не могут использоваться для доказывания. Таким образом, в досудебном производстве заключение эксперта нельзя подменять иными документами, полученными непроцессуальным путем, ни на стадии предварительного расследования, ни на стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме того, если справка, отражающая итоги специального предварительного исследования, проведенного сведущим лицом, появляется в результате оперативно-разыскной деятельности, проводимой по инициативе должностных лиц в связи с ранее полученным сообщением о преступлении в целях проверки этого сообщения (в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию), то попытка использовать эту справку в качестве доказательства и положить ее в основу процессуального решения будет означать попытку использовать в качестве доказательства сведения, полученные после начала уголовного судопроизводства (после получения сообщения о преступлении), но непредусмотренным уголовно-процессуальным законом путем, а потому не отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Прямой запрет на это содержится в ст. 89 УПК РФ.

Я. М. Мазунин прав в том, что «невозможность назначения экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела... явилась обстоятельством, способствующим возникновению и широкому распространению такой формы использования специальных знаний, как исследование предметов, документов и трупов..., одним из основных назначений которого является попытка подменить экспертизу и каким-то образом обосновать решение о возбуждении уголовного дела» [2]. Однако получение мнения сведущего лица не путем производства исключительно следственных и иных **процессуальных** действий, предусмотренных УПК РФ, а путем требования от него **непроцессуального** исследования и последующего допроса сведущего лица, проводившего исследование (в обход необходимости назначения и производства экспертизы), нарушает требования ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Кроме того, производство допроса до возбуждения уголовного дела невозможно.

Поэтому следует согласиться с мнением большинства процессуалистов и криминалистов о том, что результаты предварительных исследований доказательственного значения не имеют [5, с. 141; 6; 7, с. 73; 12; 13].

Результаты исследования предметов или документов, проводимого специалистом в рамках такого оперативно-разыскного мероприятия, как исследование предметов и документов (п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»), также не могут заменить ни заключение эксперта, ни заключение специалиста [8, с. 266].

Следовательно, акты документальных проверок, ревизий, исследований, выполненных по требованию дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, нельзя признать допустимыми доказательствами.

Результаты таких исследований не могут быть положены в основание итогового процессуального решения, принимаемого по сообщению о преступлении.

Можно ли исправить положение путем дополнения уголовно-процессуального закона, путем введения подробной регламентации производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов?

Полагаю, что всех проблем это не решит.

Если говорить о ревизиях, документальных проверках, то они сочетают в себе цели и черты сразу нескольких следственных действий: во-первых, обыска или выемки (для изъятия необходимых документов); во-вторых, судебной экспертизы. Однако эти следственные действия имеют ярко выраженные элементы принуждения, из-за чего их нельзя производить до возбуждения уголовного дела.

Наделение на стадии возбуждения уголовного дела властных участников уголовного судопроизводства правом требовать производства документальных проверок, ревизий является, вероятно, попыткой, с одной стороны, формально соблюсти запрет на производство обыска, выемки и судебной экспертизы без возбуждения уголовного дела, а с другой — обойти этот запрет путем производства действий, сходных по содержанию, но иначе поименованных и лишенных гарантий защиты прав и законных интересов лиц, попавших в орбиту уголовного судопроизводства.

Вплоть до декабря 2008 г. для органов внутренних дел ситуацию отчасти спасали нормы Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (пункты 25 и 35 ч. 1 ст. 11), в которых хоть как-то регламентировались проверки и ревизии. Но эти нормы утратили силу [9].

В первоначальной редакции проекта федерального закона «О полиции», предложенной для общественного обсуждения в августе 2010 г., содержалось право полиции *«требовать от организаций при наличии признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления проведения проверок и ревизий финансово-хозяйственной деятельности этих организаций либо проводить их самостоятельно в сроки и по основаниям, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации»* (п. 11 ст. 13). Однако в итоговом варианте проекта федерального закона «О полиции», внесенном Президентом Российской Федерации в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации, указанное право было исключено [10]. Не предусматривает такого права полиции и ныне действующий Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». По этой причине сегодня возникает вопрос о правомерности производства полицией документальных проверок, ревизий.

Акт ревизии (проверки) имеет тот существенный недостаток перед заключением эксперта, что лицо, производящее документальную проверку, ревизию, не несет уголовную ответственность за заведомо ложный вывод. Кроме того, в отличие от эксперта, на лицо, производящее документальную проверку, ревизию,

не распространяются запреты без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством исследования, и самостоятельно собирать материалы для исследования (п. 1 и 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Следовательно, существует опасность случайного или тенденциозного подбора этих материалов и формулирования необъективного вывода по итогам ревизии.

На практике лица, проверяющие финансовую или хозяйственную деятельность организации, не ограничиваются исследованием документов, опрашивают сотрудников организации, получают от них объяснения. Далее в акте проверки могут делаться выводы (о выявленных нарушениях), основанные на объяснениях лиц, не имеющих какого-либо процессуального статуса и не несущих (в отличие от свидетелей) уголовную ответственность за заведомо ложные показания.

Если считать требование производства документальных проверок, ревизий законным способом собирания доказательств, то было бы логично распространить такую возможность собирания доказательств и на стадию предварительного расследования. Но законодатель так не сделал. Это тоже делает норму о требовании производства документальных проверок, ревизий непоследовательной и противоречивой.

Большинство вышеуказанных проблем относится и к требованию производства исследований документов, предметов, трупов.

Но здесь есть и другие, специфические проблемы.

В последние годы в теории предпринимаются попытки обосновать правомерность требования следователем (дознавателем) производства специальных исследований и получения **заключения специалиста** как нового вида доказательств **или заключения эксперта** уже на стадии возбуждения уголовного дела.

При этом неясно, как преодолеть возникающие здесь многочисленные препятствия. Отмечу два из них.

Препятствие первое. На практике обычно возникает необходимость в специальных исследованиях вещественных доказательств. Но необходимым условием допустимости полученного заключения сведущего лица (как доказательства) является наличие у исследованного сведущим лицом объекта процессуального статуса вещественного доказательства. Кроме того, чтобы сведущее лицо могло произвести исследование объекта, он должен быть предоставлен в распоряжение сведущего лица **законным** путем.

Но изъятые предметы вещественными доказательствами не становятся автоматически. Для этого их необходимо осмотреть, признать вещественными доказательствами и приобщить к уголовному делу. Лишь после этого они поступают в распоряжение следователя.

Если же предмет изъят, но не признан вещественным доказательством и не приобщен к уголовному делу в установленном законом порядке, то он пока не имеет статуса вещественного доказательства. Предоставление такого пред-

мета в распоряжение эксперта или специалиста — это нарушение закона, который требует в данном случае вернуть его лицам, у которых он был изъят (ч. 4 ст. 81 УПК РФ). Кроме того, в случае предоставления такого предмета в распоряжение специалиста остается открытым и вопрос об основаниях ограничения конституционных прав собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ), свободно использовать его для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) [11].

Если, по мнению следователя, пока нет основания даже для возбуждения уголовного дела и приобщения к нему предметов, то тем более нет и оснований для уголовно-процессуального принуждения, в том числе для принудительного изъятия и удержания каких-либо предметов. Поэтому действующий уголовно-процессуальный закон и требует возвратить изъятые предметы лицам, у которых они были изъяты. В этом проявляется правозащитное назначение современного российского уголовного судопроизводства.

Если же следователь или дознаватель в нарушение закона все-таки предоставил в распоряжение специалиста или эксперта предмет без предварительного признания его вещественным доказательством, то полученные таким путем сведения недопустимы в качестве доказательств (ст. 75 УПК РФ), их нельзя положить в основу итогового процессуального решения на начальной стадии уголовного судопроизводства.

Препятствие второе. Для проверки и объективной оценки заключения сведущего лица (будь то специалист или эксперт) часто бывает необходимо получить от него разъяснения использованных им методов исследования, мотивов выбора тех или иных методик исследования, значения используемых терминов и т. п. Такие разъяснения можно было бы получить в рамках допроса, но на стадии возбуждения уголовного дела это невозможно. В таком случае заключение сведущего лица если и может быть использовано следователем, то не в качестве доказательства, подлежащего проверке и оценке по внутреннему убеждению, как того требует закон, а лишь в качестве «научного приговора», вынесенного «научным судьей». Но придание мнению сведущего лица такого гипертрофированного значения отбросило бы нас на позиции теории формальных доказательств, с которой Россия рассталась полтора века назад.

Таким образом, сегодня по-прежнему нет правовой основы для требования властными участниками уголовного судопроизводства от сведущего лица производства специальных исследований, для производства таких исследований и дачи заключения (акта, справки) в стадии возбуждения уголовного дела. А потому нет и оснований для использования результатов подобных исследований в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств, для обоснования этими результатами каких-либо процессуальных решений.

Список библиографических ссылок

1. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4.
2. Мазунин Я. М. Производство исследований предметов, документов, трупов нуждается в дополнительной уголовно-процессуальной регламентации // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 19—23.
3. Определение Конституционного суда РФ от 25.02.2010 г. № 261-О-О.
4. Определение Конституционного суда РФ от 24.01.2008 г. № 104-О-О.
5. Быков В. М., Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. Казань: Таглитат, 2006.
6. Плесовских Ю. Г. Заключение специалиста, участвующего в осмотре места происшествия, как объект судебно-экспертного исследования // Эксперт-криминалист. 2006. № 2.
7. Обнаружение, изъятие, исследование и использование микрообъектов в доказывании по уголовным делам: пособие. М.: ВНИИ МВД России, 1997.
8. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009.
9. Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 293-ФЗ.
10. URL: <http://zakonoproekt2010.ru/static/law-diff.pdf#/state=current> (дата обращения: 02.11.2010).
11. Малков В. П. Доказательства в уголовном судопроизводстве // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / 2 изд., перераб. и доп.; под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томина, М. П. Полякова. М.: Юрайт-Издат, 2006.
12. Плесовских Ю. Г. Судебно-экспертное исследование: правовые, теоретические, методологические и информационные основы производства: монография. М.: Юрист, 2008.
13. Смирнов А. В. Комментарий к статье 80 [Электронный ресурс]: комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. В. Смирнова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Зайцева Е. А. Пленум Верховного суда РФ: судебная экспертиза по уголовным делам // Законность. 2011. № 3. С. 12—16.

© Овсянников И. В., 2012

Ю. В. Третьяков,

старший следователь Межрегионального следственного отдела
Следственной части ГУ МВД России по Южному федеральному округу

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ

В статье исследованы специальные экономические знания в контексте самостоятельной пограничной области знаний, образовавшихся вследствие необходимости интеграции положений отдельных экономических наук для эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, а также разрешения уголовных дел в суде.

Ключевые слова: раскрытие, расследование, преступление, экспертиза, экономические преступления, орган дознания, следователь, специалист-экономист, судебное производство.

Y. V. Tretyakov,

Senior Investigator of the Interregional Investigation Department
of the Investigation Unit of the Main Department of the Ministry
of Interior of Russia in the Southern Federal District

SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE AS THE INDEPENDENT INTERDISCIPLINARY BRANCH OF KNOWLEDGE

The article focuses on the special economic knowledge in the context of the independent interdisciplinary branch of knowledge formed as a result of the necessity of integrating ideas of certain economic studies to effectively detect, clear up and investigate crimes in the economic sphere as well as to resolve criminal cases in court.

Keywords: clearance, investigation, crime, examination, economic crimes, agency of inquiry, investigator, economic specialist, court proceedings.

Специальные экономические знания представляют собой самостоятельную пограничную область знания, возникшую в результате криминалистической адаптации положений конкретных экономических наук для нужд сотрудников правоохранительных органов в работе по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики.

Термин «специальные» знания является отраслевым, отграничивающим профессиональный теоретический уровень, практический навык и опыт специалистов-

экономистов от компетенции специалистов других областей знаний. Данный термин имеет юридическую значимость, поскольку определяет действия специалиста-экономиста по исследованию спектра специфических экономических вопросов для уголовного судопроизводства.

В своих исследованиях Л. П. Климович под «специальными экономическими знаниями» понимает «... относящийся к отрасли экономических и судебно-бухгалтерских знаний профессиональный опыт сведущих лиц, используемый для целей уголовного судопроизводства в установленных законом формах» [1, с. 16]. Такой вывод автора основан на анализе системы экономических наук с выделением сфер их приложения в конкретных видах экономической деятельности, закрепленных соответствующим Общероссийским классификатором внешне-экономической деятельности.

Специалист-экономист должен владеть специальными знаниями судебной бухгалтерии, налогового права, товароведения, информатики, но при их неполноте у одного лица целесообразно назначение и производство комплексных судебных экономических экспертиз. Это способствует большей эффективности установления фактов неправильной плановой политики, недостоверных результатов в отчетности и др.

По нашему мнению, специфику специальных экономических знаний, что относится и к специалисту-экономисту, составляют:

- комплекс теоретических экономических (налоговых, товароведческих и иных) знаний, умений и навыков, полученных лицами в результате их профессиональной подготовки;
- практический опыт, накопленный в ходе применения умений и навыков в области экономики и иных относящихся к ним наук;
- достоверность, качество, апробация учетно-экономической информации, ее декодирование в доступную для использования форму;
- эффективность средств, приемов и методов, применяемых для исследования экономической деятельности в целях обнаружения, закрепления, оценки и использования криминалистически значимой экономической ориентирующей исходной информации и доказательств по уголовному делу;
- использование специалистами и экспертами своих профессиональных экономических знаний, умений, навыков и практического опыта в установленной законом форме.

В ходе расследования преступлений дознаватели и следователи используют знания специалистов как для получения консультаций, справок, проведения проверок и ревизий при расследовании преступлений в сфере экономики, так и для эффективного решения проблем, возникающих при назначении отдельных видов судебных экспертиз и оценке их результатов по указанным делам.

Назначение экспертиз в российском уголовном судопроизводстве осуществляется в соответствии с требованиями УПК РФ, Федеральным законом «О госу-

дарственной судебно-экспертной деятельности» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. Кроме того, производство судебных экспертиз, права, обязанности, ответственность эксперта и разрешаемые им вопросы регламентированы ведомственными приказами, инструкциями и методическими рекомендациями [2].

Теоретические и организационные вопросы назначения и производства судебных экономических и бухгалтерских экспертиз по уголовным делам в своих работах исследовали многие ученые. Так, М. П. Филиппов и Ю. Л. Бойко под *производством судебной экспертизы* понимают «систему процессуальных действий по подготовке и назначению экспертизы, деятельность эксперта по исследованию поставленных перед ним вопросов в постановлении о назначении экспертизы, завершающуюся формулированием выводов и составлением заключения, служащего источником доказательств» [3, с. 14].

О. Г. Ситникова отмечает: «При расследовании следователем (и рассмотрении судом) преступлений в сфере экономики из всей системы специальных экономических знаний чаще всего применяются такие, как бухгалтерский учет, экономика, финансы и кредит» [4, с. 58—59].

В принципе соглашаясь с мнением автора, мы бы еще выделили технико-криминалистическую экспертизу документов, судебно-технологическую, товароведческую экспертизы.

Приняв решение о необходимости производства судебной экспертизы, перед вынесением постановления о ее назначении следователь, как определяет В. М. Волга, проверяет: а) в установленном ли законом порядке получены объекты, подлежащие направлению на экспертизу; б) надлежащим ли образом хранились объекты до назначения экспертизы, не были ли они подвержены изменениям [5, с. 83].

Полагаем, что не всякий эксперт может определить указанные выше пункты. В то же время автору следовало бы указать, что эксперт должен определить, достаточное ли количество документов представлено следователем для возможности проведения соответствующего исследования, а также, нет ли среди них тех, которые не относятся к данному делу.

В части рассматриваемого вопроса В. И. Зажицкий полагает, что «все материалы, представляемые эксперту для исследования, следователь может получить сам, но только процессуальным путем» [6, с. 30]. Мы считаем это не совсем правильным, поскольку такие документы, как акты инвентаризаций, ревизий, проверочных закупок товаров и продуктов, заключения аудиторов обычно получают оперативные сотрудники в стадии возбуждения уголовного дела непроцессуальным путем.

А вот с учетом уже полученных результатов следователю, исходя из сложившейся следственной ситуации и выдвинутых версий, нужно составить план расследования, избрать тактику проведения допроса подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, в том числе по вопросам, подлежащим исследованию судеб-

ным экспертом. Более того, целесообразно изучить систему документооборота, учета и отчетности в организации, в которой имело место преступление, бухгалтерские и регистрационные учредительные документы. Часто дознаватели и следователи не в полном объеме собирают материалы, необходимые для экспертного исследования, что неизбежно влияет на увеличение сроков производства как судебных экспертиз и качество заключений экспертов, так и в целом предварительного следствия.

Т. В. Каткова и Г. К. Кожевников указывают, что, «определив объекты и материалы, подлежащие направлению на судебную экспертизу, дознавателю, следователю надлежит определить место ее производства, как правило, экспертное учреждение или лицо, не являющееся сотрудником такого учреждения, но обладающее необходимыми специальными познаниями» [7, с. 14].

Таким образом, можно констатировать, что результаты применения специальных экономических знаний являются источником важной доказательственной информации по уголовным делам. Как самостоятельный источник доказательств судебно-экономическая экспертиза использует средства научного экономического анализа исходных данных, содержащихся в других доказательствах, приобщенных к материалам уголовного дела. Что касается предмета судебно-экономической экспертизы, то он, на наш взгляд, определяется потребностями уголовного судопроизводства в использовании специальных знаний в области экономической теории и практики в целях установления истины в уголовном деле. Истине в уголовном деле соответствуют подлежащие доказыванию фактические обстоятельства, включая экономические признаки события, состава преступления, а также его последствия в сфере экономики.

Список библиографических ссылок

1. Климович Л. П. Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 16.
2. Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 июня 2005 г. № 511 // Рос. газ. 2005. 30 авг.
3. Филиппов М. П., Бойко Ю. Л. Правовые основы организации и производства судебных экспертиз. Барнаул, 2003. С. 14.
4. Ситникова О. Г. Защита экономических интересов в сфере налогообложения и предпринимательства уголовно-правовыми средствами // Юрист. 2003. № 4. С. 58—59.

5. Волга В. М. Судебно-экономическая экспертиза: общие положения и специфика производства на стадии предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 83.

6. Зажицкий В. И. Заключение аудитора — экспертиза или ревизия? // Рос. юстиция. 1994. № 8. С. 30.

7. Каткова Т. В., Кожевников Г. К. Судебные экспертизы. Харьков, 2003. С. 14.

© Третьяков Ю. В., 2012

А. А. Закатов,

заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Кочубей,

профессор кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД РФ, кандидат химических наук, доцент

ТЕХНОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МИКРООБЪЕКТОВ (ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ)

На примере поэтапного сравнительного исследования микрочастицы лакокрасочного покрытия и лакокрасочных объектов — возможных источников ее образования проиллюстрирована технология решения задачи по установлению их общей родовой, групповой принадлежности.

Ключевые слова: микрообъекты, свойства, групповая принадлежность, морфология.

A. A. Zakatov,

Honored Scientist of Russia, Professor of the Chair of Criminalistics
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Professor;

A. V. Kochubey,

Professor of the Chair of Criminalistic Techniques
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Chemistry), Associate Professor

TECHNOLOGY OF RESOLVING EXPERT PROBLEMS RELATED TO THE EXAMINATION OF MICROOBJECTS (ONE OF POSSIBLE VARIANTS)

Through the example of stage-by-stage comparative examination of microparticle of varnish-and-paint coating and varnish-and-paint objects as the possible sources of its formation, the author represents the technology of resolving the problem of establishing their common generic and group specificity.

Keywords: microobjects, properties, group specificity, morphology.

Классификация экспертных задач есть не что иное, как определение в самом общем виде направления исследовательского процесса, результат которого направлен на установление обстоятельств, интересующих следствие. В экс-

пертной практике общие задачи преобразуются в форму их конкретной реализации в определенном виде судебной экспертизы. В связи с этим приобретает значение установление взаимосвязи экспертных задач с характером исследуемых объектов, т. е. с определенными их классами, родами и группами. Для каждой экспертной задачи должен быть очерчен круг классификационных множеств и единичных или конкретных объектов, в отношении которых данная задача может быть поставлена и решена. Фактически это означает определение для каждой общей экспертной задачи подчиненных ей частных подзадач. Именно смысл последних определяет круг вопросов в постановлении о назначении экспертизы. Таким образом формируется определенная система, объединяющая в различной степени соподчиненности классификационные множества объектов исследования, частные и общие экспертные задачи.

Решение и диагностических, и идентификационных задач в отношении микрообъектов основывается на исследовании их морфологических особенностей внутреннего и внешнего строения, состава и свойств. Однородные по природе свойства микрообъектов образуют определенные информационные поля [1] (морфологическое и субстанциональное), которые в совокупности формируют информационное пространство [2]. При этом для решения экспертных задач имеют значение не столько отдельно взятые признаки и свойства микрообъектов, сколько выявленные взаимосвязи между ними. Например, качественный и количественный состав вещества или материала (что имеет решающее значение при идентификации вещества или материала, например, в химии) в судебной микрообъектологии не может быть определяющим при установлении родовой и групповой принадлежности микрообъекта без учета его морфологических особенностей, и наоборот, так как его строение и состав находятся во взаимосвязи друг с другом. Этот принцип характерен для всех микрообъектов, относящихся к веществам и материалам.

Решение любой экспертной задачи по исследованию микрообъектов можно представить как последовательность операций, направленных на выявление в объекте (объектах) исследования определенного комплекса признаков и их сравнение с известными, что позволяет отнести их к определенным классификационным категориям или отождествлять на более высоком уровне. Если этот комплекс ограничен обязательными, закономерными для данного рода объектов признаками, то решение задачи ограничивается установлением родовой принадлежности объекта или общей родовой принадлежности. Если же наряду с обязательными открыты и признаки случайного происхождения, то можно вести речь о решении задачи по установлению узкой групповой принадлежности либо установлению индивидуального тождества.

В соответствии с методологией диагностического и идентификационного исследований, которая имеет общую сущность, на первом этапе выявляются родовые, затем групповые, и, наконец, индивидуальные признаки. Сопоставляя эти признаки с признаками, характерными для определенных классификационных

категорий, решаем задачу по установлению конкретной родовой или групповой принадлежности, индивидуального тождества. Многоступенчатый характер исследования, обусловленный многократным переходом от множества большего объема к множеству наименьшего объема, при наличии системы частных признаков приводит к выделению из последнего индивидуально определенного объекта.

Данную схему можно проиллюстрировать на примере экспертного исследования при решении задачи по установлению общей родовой (групповой) принадлежности объектов: микрочастицы лакокрасочного покрытия автомобиля и сравниваемых ЛКП автомобилей, от которых эта микрочастица могла быть отделена. Для примера мы выбрали микрочастицу лакокрасочного покрытия красного цвета и четыре образца сравнения (автомобиля) также красного цвета.

1. Установление родового признака первого рода.

Признак первого рода — отправной в данном исследовании и выделяется по самому общему основанию, кроме того, наиболее просто выявляемому. В большинстве случаев этим признаком является цвет микрообъекта. На данном этапе выделяются объекты сравнения, совпадающие с микрообъектом по спектральным (цветовым) характеристикам. При микроскопическом исследовании иногда целесообразно использовать набор светофильтров, отличающихся спектральными характеристиками.

Сравнительное исследование цвета микрообъекта и объектов в данном случае показало, что объект 5 хотя и близок по цвету с микрообъектом, но имеет несколько иной оттенок. Несовпадение признака 1-ого рода дает основание исключить объект 5 из дальнейшего исследования (рис. 1).

1

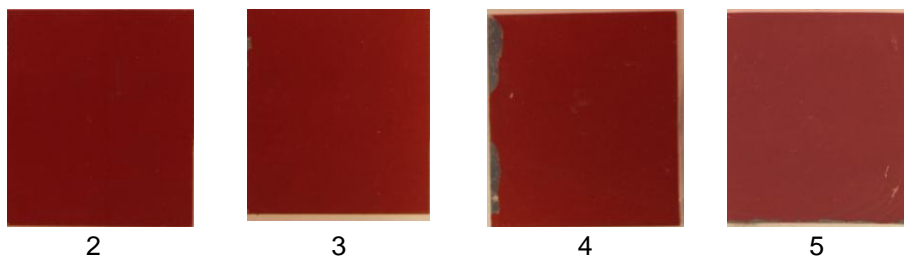

Рис. 1. Объекты исследования:

1 — исследуемый микрообъект (увеличение 96^x); 2, 3, 4, 5 — объекты сравнения

2. В качестве родового признака 2-го рода может быть выбрана послойная морфология частиц, выявляемая в ходе микроскопического исследования шлифов образцов в видимой зоне спектра.

Из иллюстраций видно, что сравнительный образец ЛКП 4 имеет большую суммарную толщину слоев, а также иную морфологию. Это дает основание для вывода об отсутствии общей родовой принадлежности исследуемого микрообъекта и четвертого образца сравнения (рис. 2).

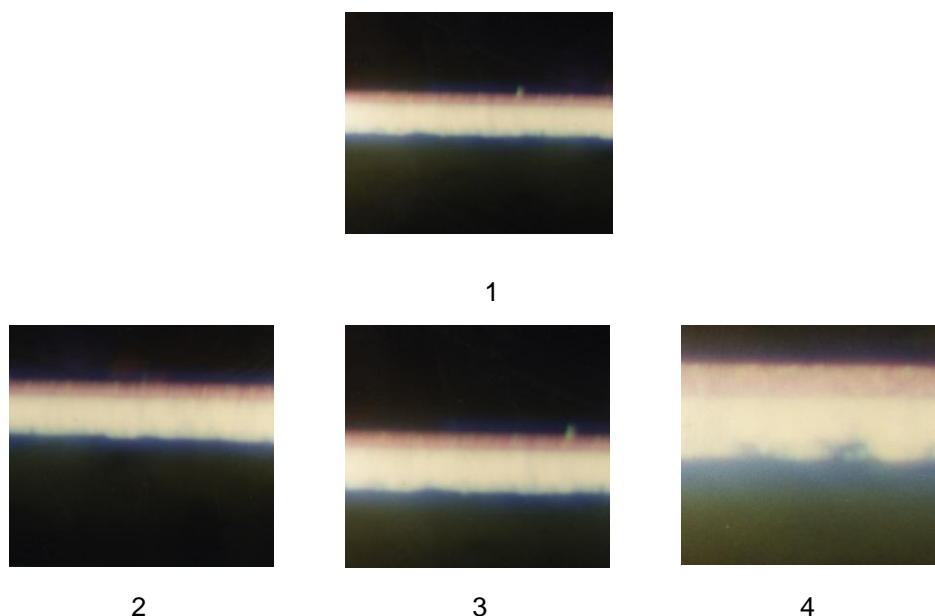

Рис. 2. Шлифы образцов ЛКП (увеличение 98^x):
1 — исследуемый микрообъект; 2, 3, 4 — образцы сравнения

Выявленные признаки (цвет и морфология) относятся к родовым. Для исследования групповых признаков необходимо выявить следующие, более специфические из них, которые могут указывать на отклонения от стандартной технологии получения лакокрасочного материала и его нанесения на окрашиваемый объект.

3. Установление группового признака первого рода.

Таким исследованием может быть изучение характера люминесценции ЛКП при облучении их УФ-лучами. При этом различные нерастворенные в лакокрасочном материале добавки (крупные частицы пигментов, добавки ЛКМ, придающие требуемый оттенок и т. д.) могут иметь различную интенсивность и спектральную характеристику люминесценции (рис. 3).

Люминесцентный анализ образцов ЛКП в данном примере позволил выявить:

- достаточно близкий характер люминесценции всех исследуемых эмалей (верхний слой);
- схожие по интенсивности и характеру люминесценции грунтовок, входящие в состав исследуемого микрообъекта и второго сравнительного образца;
- некоторые отличия в интенсивности люминесценции вкраплений грунтовок третьего образца ЛКП.

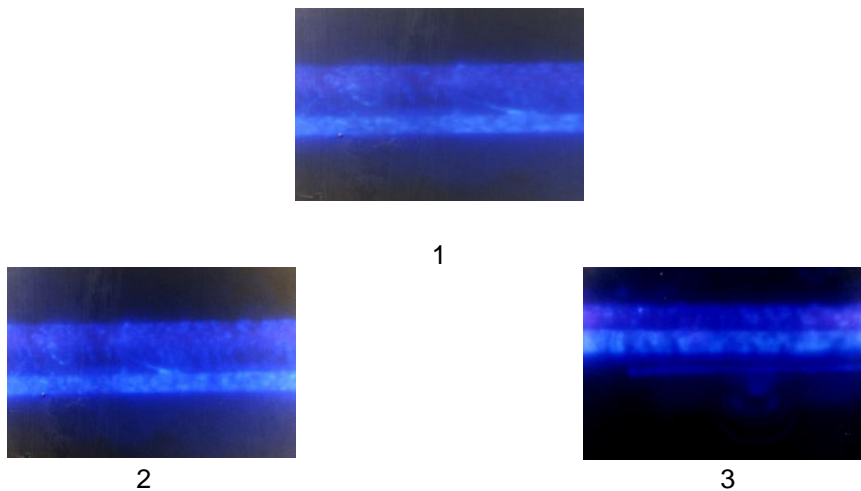

Рис. 3. Характер люминесценции шлифов ЛКП:
1 — исследуемый микрообъект; 2, 3 — образцы сравнения

До этого этапа исследования выявлялись признаки морфологического характера, образующие морфологическое информационное поле. Для обоснованного же вывода по результатам экспертизы необходимо формирование информационного пространства, в которое, помимо морфологического поля, входит и поле субстанциональное.

Для подтверждения факта отсутствия общей групповой принадлежности микрообъекта и третьего образца, а также для установления общего источника происхождения (наличия общей групповой принадлежности) микрообъекта и второго сравнительного образца необходимо исследование, направленное на установление элементного, функционального или иного состава исследуемых объектов. Для частиц ЛКП этим исследованием традиционно выступает ИК-спектрометрический анализ.

4. Послойный ИК-спектральный анализ исследуемого образца ЛКП и образцов сравнения относится к групповому признаку второго рода (рис. 4—9).

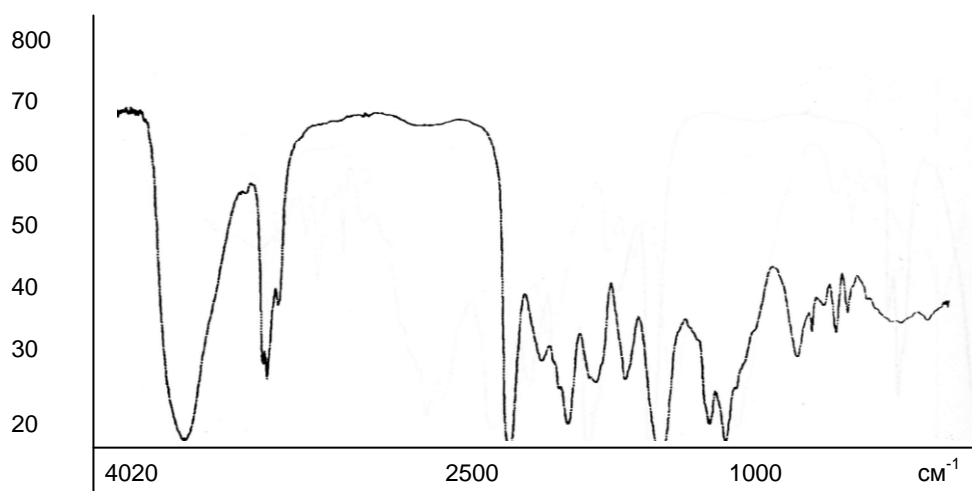

Рис. 4. ИК-спектр эмали исследуемого микрообъекта,
соответствующий эмали МЛ-1226 «Рубин»

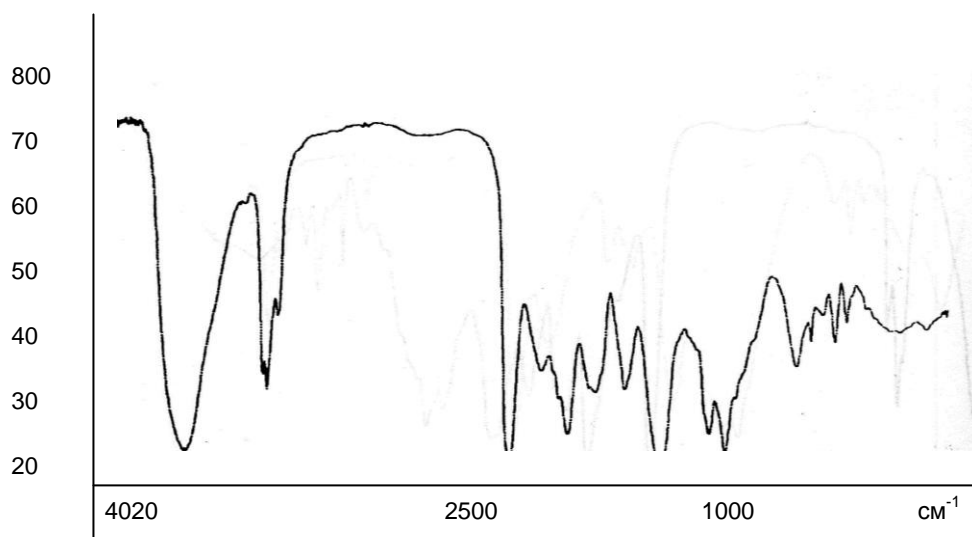

Рис. 5. ИК-спектр эмали второго сравнительного образца,
соответствующий эмали МЛ-1226 «Рубин»

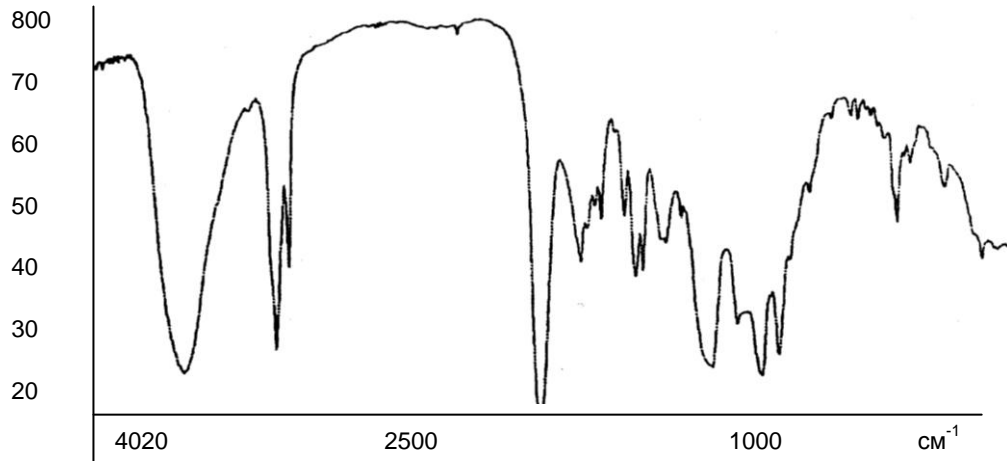

Рис. 6. Ик-спектр эмали третьего сравнительного образца,
соответствующий эмали ПФ-115

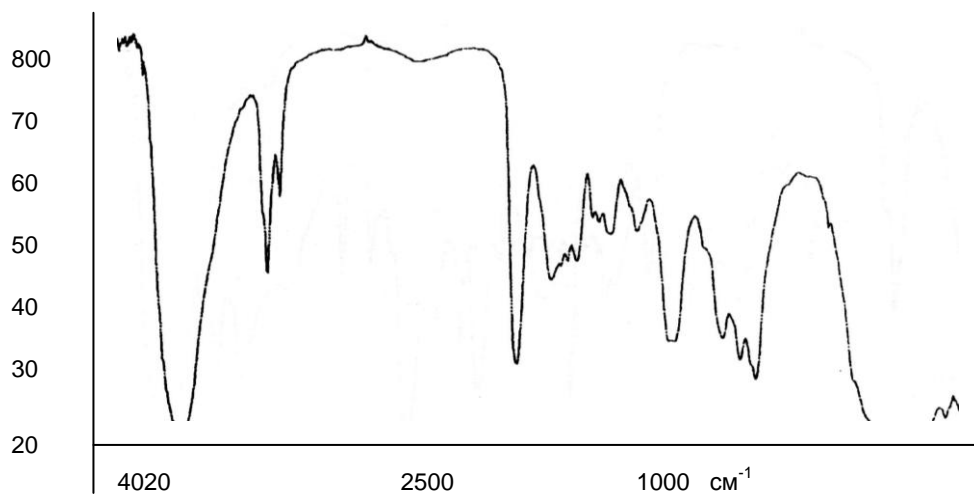

Рис. 7. ИК-спектр грунтовки микрообъекта,
соответствующий грунтовке ВКФ-193

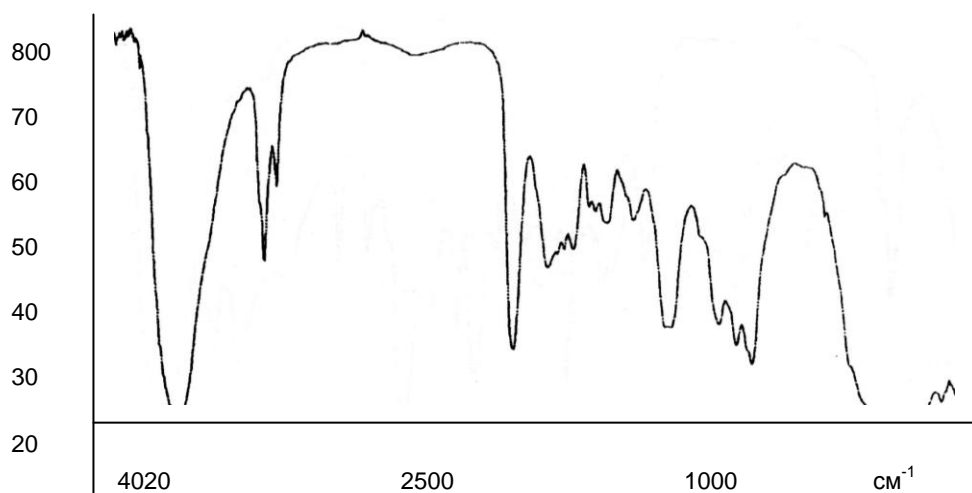

Рис. 8. ИК-спектр грунтовки второго образца ЛКП,
соответствующий грунтовке ВКФ-193

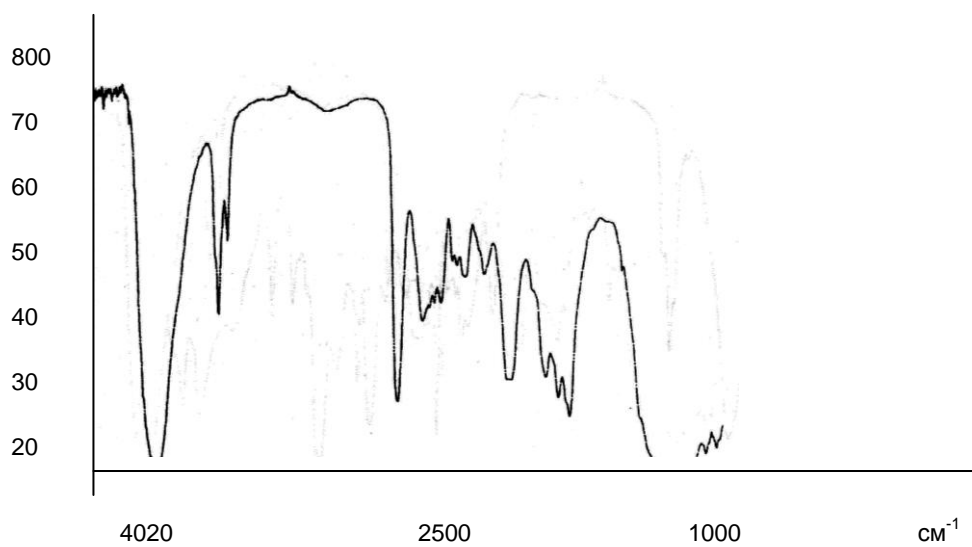

Рис. 9. ИК-спектр грунтовки третьего образца ЛКП,
соответствующий грунтовке ЭП-0228

Таким образом, сопоставление данных ИК-спектрометрических анализов позволяет однозначно установить отсутствие единого источника происхождения микрообъекта и третьего сравнительного образца, а также общую групповую принадлежность микрообъекта и второго образца ЛКП. Однако решить вопрос об идентификации по данному комплексу выявленных совпадающих признаков у второго образца и микрообъекта (следа), очевидно, не представляется возможным, так как использование грунтовки и эмали одних и тех же наименований не является неповторимым сочетанием. И эмаль и грунтовка являются в данном случае стандартными слоями лакокрасочного покрытия автомобилей, широко использующимися на заводе-изготовителе или при ремонтной окраске с соблюдением технологических параметров, а, следовательно, данный комплекс характерен для определенной партии автомобилей, т. е. является признаком групповой принадлежности.

Приведенный пример по решению задачи установления общей групповой принадлежности представляет лишь наиболее часто встречающуюся экспертную технологию, хотя при определенных исходных данных может быть реализована и иная схема.

Если же рассматривать процесс экспертного исследования в общем виде, то для реализации указанной схемы сужения классификационных множеств микрообъектов необходима, в первую очередь, разработка системы классификационных признаков для каждого их вида. Именно четкая классификация групповых и родовых признаков дает возможность дифференцировать уровни выделения родов и групп. В каждом случае содержание признака, свойства или качества микрообъекта должно быть проявлением специфичности морфологии, качественного состава вещества или материала, количественного соотношения ингредиентов, вариационности какого-либо свойства и т. д.

Примечания

1. В теорию экспертной идентификации понятие идентификационного поля ввел А. А. Эйсман в 1967 г.

2. Митричев В. С., Хрусталева В. Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них : учеб. пособие. СПб., 2003. С. 12.

© Закатов А. А., Кочубей А. В., 2012

Г. И. Курин,

заместитель начальника кафедры трасологии и баллистики
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

А. И. Попов,

преподаватель кафедры трасологии и баллистики
Волгоградской академии МВД России

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК

В статье исследованы возможности и предложена методика применения пластических стоматологических масс для фиксации и изъятия объемных следов пальцев рук. Приводятся результаты эксперимента, даются методические рекомендации по их использованию в практической деятельности экспертов-криминалистов.

Ключевые слова: статические, объемные следы пальцев рук, пластические стоматологические массы, фиксация, изъятие, методика.

G. I. Kurin,

Deputy Head of the Chair of Traceology and Ballistics
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor;

A. I. Popov,

Lecturer of the Chair of Traceology and Ballistics
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

ABOUT THE IMPROVEMENT OF THE METHODS OF EXAMINATION OF VOLUMETRIC FINGERPRINTS

The article focuses on the possibilities and methods of application of flexible dental masses for fixing and lifting volumetric fingerprints. The authors represent the results of the experiment and give methodical recommendations on how to use them in practice in the forensic experts' activity.

Keywords: statistical, volumetric fingerprints, flexible dental masses, fixing, lifting, methods.

Следы рук являются ценнейшим разыскным материалом. Они позволяют осуществить целый комплекс мероприятий, направленных на выявление и проверку подозреваемых в совершении преступлений лиц. Резко выраженная индивидуальность папиллярных узоров является одним из важнейших свойств, которые лежат в основе криминалистической идентификации личности [1].

Анализ следственной и экспертной практики показывает, что сотрудники практических экспертных подразделений при осмотрах мест происшествий испытывают трудности с фиксацией и изъятием объемных следов пальцев рук. Существующая методика имеет ряд недостатков, которые могут привести к потере важной для идентификационного исследования информации. К ним можно отнести:

1. Особенности и свойства следовоспринимающей поверхности. Анализ экспертных заключений показывает, что объемные следы пальцев рук могут быть обнаружены на продуктах питания (шоколад, сыры мягких сортов, сливочное масло, маргарин и т. п.), строительных материалах (оконная замазка, герметики, битумная мастика и т. п.), влажной глине и мелкодисперсном грунте.

Действующая методика [3] предлагает изымать след вместе с объектом-носителем и проводить его исследование в условиях экспертной лаборатории. Однако выполнить эти рекомендации в реальных условиях достаточно сложно, т. к. состояние изымаемого объекта-следоносителя зависит от температуры окружающей среды, условий и возможностей упаковки и транспортировки (например, практически невозможно изъять использованную жевательную резинку с глазков входных дверей, расположенных на одном этаже с квартирой, из которой совершена кража).

2. Существующий набор средств и материалов, используемый для изъятия объемных следов пальцев рук, является достаточно громоздким, требует наличия специальных навыков при их использовании.

3. Иностранные производители криминалистических материалов и техники предлагают различные полимерные материалы для фиксации и изъятия объемных следов пальцев рук [2], однако низкий уровень финансирования экспертных подразделений МВД РФ не позволяет использовать их в массовом масштабе.

4. Проводимое реформирование системы МВД РФ и как следствие значительное сокращение сотрудников остро ставит вопрос способности каждого члена оперативно-следственной группы обнаружить, зафиксировать и изъять следы на месте происшествия.

Для решения этих проблем были проведены исследования возможностей использования для изъятия объемных следов пальцев рук полимерных материалов, используемых в стоматологии. Изучение медицинской литературы, рекламной продукции производителей стоматологических материалов, консультации с профессиональными стоматологами-практиками дали основания утверждать, что все полимерные материалы, используемые, в стоматологии, в исходном со-

стоянии представляют: *наполнитель и отвердитель*. При смешивании в определенных пропорциях этих компонентов получается силиконовый слепочный материал, обладающий способностями сохранять свою форму и размеры в момент застывания.

Для проведения экспериментальных исследований использовался стоматологический препарат:

1. «Speedex light body» — стоматологический силиконовый слепочный материал. Тип материала — полисилаксан — эластомер, способный на основе реакции конденсации образовать сетчатую структуру, слепочная масса низкой вязкости темно-синего цвета.

2. Универсальный активатор «Speedex Universal Activator» — активатор силиконовых слепочных масс. Тип материала — полисилаксан — эластомер конденсационного типа, универсальный активатор корректирующего слоя «light body» зеленого цвета.

Основанием для его приобретения являлось то, что он является достаточно распространенным, его свойства отвечают требованиям производимого исследования (степень дисперсности, время застывания, доступность и т. д.).

Стоматологический силиконовый слепочный материал «Speedex light body» представляет собой упаковку с тубиком со слепочной массой. Универсальный активатор «Speedex Universal Activator», активатор силиконовых слепочных масс, представляет собой упаковку с тубиком-активатором.

Для образования экспериментальных следов в качестве следовоспринимающих поверхностей были выбраны:

1. Влажная глина.
2. Использованная жевательная резинка.
3. Поверхность с битумным покрытием.
4. Шоколад.
5. Пластидин.

Выбор этих материалов обусловлен их наибольшей встречаемостью в экспертной практике.

На вышеперечисленных следовоспринимающих поверхностях были образованы статические объемные следы пальцев рук.

В качестве слеодообразующего объекта использовались большой и указательный пальцы правой руки.

После образования следов, в соответствии с инструкцией по эксплуатации, была подготовлена к использованию силиконовая слепочная масса. Ее количество определялось в зависимости от размеров следа, прежде всего от его глубины.

После приготовления слепочной массы ею необходимо заполнить статические объемные следы давления следа пальца руки на вышеперечисленных следоносителях на всю глубину. При выполнении этой операции важно следить за тем, чтобы масса наносилась равномерно от одного края следа к другому

и не сопровождалась образованием пузырьков воздуха на поверхности следа. После полного застывания слепочной массы (3—4,5 мин) слепок извлекается из объемного следа пальца руки (рис. 1).

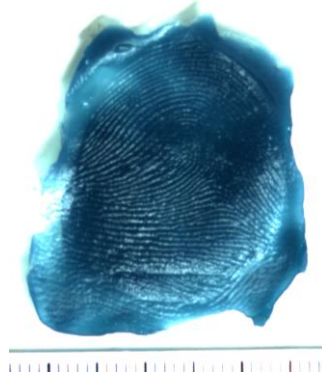

Рис. 1. Силиконовый слепок со статического объемного следа пальца руки с использованной жевательной резинки

Ножницами обрезаются излишки слепочной массы с боков слепка. При помощи валика на полученную копию следа наносится тонкий слой типографской краски. Нанесение слоя типографской краски возможно как при помощи дактилоскопического валика, так и путем перекатывания копии следа по стеклянной или полированной поверхности, на которой нанесен тонкий слой типографской краски. Далее окрашенный силиконовый слепок со следа статического объемного следа пальца руки путем перекатывания переносится на бумагу (рис. 2).

Рис. 2. Оттиск следа со слепка статического объемного следа пальца руки с использованной жевательной резинки

Дальнейшее исследование оттиска копии статического объемного следа пальца руки осуществляется в соответствии с традиционной методикой идентификационной дактилоскопической экспертизы [3].

Проведенные исследования и эксперименты позволяют сделать следующие рекомендации по использованию полимерных стоматологических масс для изъятия объемных следов пальцев рук:

1. В случае обнаружения при осмотре места происшествия объемных следов пальцев рук фиксация осуществляется в протоколе осмотра места происшествия (в соответствии с нормами УПК РФ) и путем фотографирования по правилам масштабной съемки. При этом важно помнить, что если используются источники света, то необходимо исключить вероятность повреждения следа за счет световой энергии этого источника.

2. Объемный след с места происшествия изымается для дальнейшего исследования вместе с объектом-следоносителем, способ его упаковки должен исключать его повреждение или уничтожение.

3. Если изъятие и транспортировка следоносителя в силу различных причин невозможна (свойства материала следовоспринимающей поверхности, высокая температура окружающей среды, дальность необходимой транспортировки и т. п.), то на месте происшествия изготавливается копия следа из полимерного стоматологического материала.

Для этого в соответствии с инструкцией по эксплуатации стоматологических материалов изготавливается слепочная масса.

На поверхность следа равномерно, от одного края следа к другому, наносится полимерная масса. При этом необходимо следить за тем, чтобы на поверхности следа не оставались пузырьки воздуха. Целесообразно массу на след нанести так, чтобы ее края выходили за границы следа. Полимеризация массы за границей следа существенно облегчает эксперту решение проблемы нанесения такого слоя типографской краски на полученную копию объемного следа пальца руки.

После затвердевания слепочная масса извлекается из следа, упаковывается с соблюдением требований норм действующего УПК РФ и приобщается к материалам дела.

4. При проведении дактилоскопической экспертизы на поверхность копии следа наносится тонким слоем типографическая краска. Это можно сделать с помощью дактилоскопического валика или путем перекачивания копии следа по стеклянной или полированной поверхности, на которой нанесен тонкий слой типографической краски.

5. После нанесения типографической краски изготавливается оттиск копии объемного следа пальца руки. Для этого он прокатывается на чистом листе бумаги. В случае получения неудовлетворительных следов есть возможность выполнить эту операцию многократно в целях получения хороших оттисков.

6. Далее используется традиционная методика [3] производства идентификационной дактилоскопической экспертизы.

Проведенный анализ экспериментальных исследований показал, что для фиксации и изъятия объемных следов пальцев рук на месте происшествия могут успешно использоваться силиконовые слепочные массы, материалы, используемые в стоматологии. На основании выполненного исследования разработаны методические рекомендации по использованию полимерных материалов, используемых в стоматологии, для фиксации и изъятия объемных следов пальцев рук человека на месте происшествия. Проведенные исследования позволили сделать следующие выводы организационного и методического характера:

1. Действующая методика изъятия объемных следов пальцев рук человека на месте происшествия является достаточно громоздкой, эффективность ее применения сильно зависит от свойств следовоспринимающей поверхности и условий окружающей среды (температура, влажность и т. п.).

2. Финансовое положение МВД РФ в условиях финансового кризиса и проводимой реформы не позволяет обеспечивать практические органы современными полимерными материалами для изъятия объемных следов пальцев рук на месте происшествия.

3. Проведенное исследование возможностей изъятия объемных следов пальцев рук на месте происшествия с помощью полимерных материалов, используемых в стоматологии, показали достаточно высокую эффективность и простоту их применения. Это позволяет утверждать, что любой участник оперативно-следственной группы в состоянии самостоятельно обнаружить, зафиксировать и изъять объемный след пальца руки с места происшествия. Это качество приобретает особую актуальность в условиях проводимых в МВД РФ организационно-штатных изменений.

Проведенное исследование позволит более качественно решать задачи, поставленные органами полиции, определенные Федеральным законом «О полиции» [4], последующими указами Президента Российской Федерации, способствовать повышению эффективности расследования и раскрытия преступлений.

Список библиографических ссылок

1. Криминалистическое исследование следов кожного покрова человека: учебник / под ред. И. В. Кантора. Волгоград: ВА МВД России, 2003. С. 81—103.
2. «SIRCHIE» Criminal investigation. Catalog 2012/13. С. 268—288.
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Дильдина; общая ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.
4. О полиции: федер. закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Курин Г. И., Попов А. И., 2012

С. А. Янин,

заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;

И. Н. Шумигай,

старший оперуполномоченный 5 отдела
Департамента контрразведки ФСБ РФ, кандидат юридических наук

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ
ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

Статья посвящена организационно-тактическим особенностям такого вида судебных экспертиз, как фоноскопическая, в ходе расследования хищений, совершаемых военнослужащими с использованием своего служебного положения. Рассмотрены возможности данной экспертизы для процесса доказывания, представлены этапы ее назначения, очерчено содержание и специфика работы следователя при этом, рассмотрены требования к образцам для сравнительного исследования.

Ключевые слова: судебно-фоноскопическая экспертиза, военнослужащие, хищение, уголовное дело, образцы для сравнительного исследования, идентификация.

S. A. Yanin,

Deputy Head of the Chair of Preliminary Investigation
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law);

I. N. Shumigay,

Senior Field Officer of the Subdivision 5
of the Counterintelligence Department of the Federal Security Service
of the Russian Federation, Candidate of Science (Law)

**ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF THE ASSIGNMENT
OF FORENSIC PHONOSCOPIC EXAMINATION
WHILE INVESTIGATING THEFTS COMMITTED
BY MILITARY SERVANTS USING THEIR SERVICE RANK**

The article is devoted to the organizational and tactical peculiarities of such a kind of forensic examination as a phonoscopic examination while investigating thefts

committed by military servants using their service rank. The authors analyze the possibilities of this examination for the process of proving, represent the stages of its assignment, outline the content and specific character of the investigator's activities in this case, and consider the requirements for samples for comparative examination.

Keywords: forensic phonoscopic examination, military servants, theft, criminal case, samples for comparative examination, identification.

За последние годы в связи с установленным Президентом и Правительством Российской Федерации курсом на реформирование Вооруженных сил в целях оптимизации их численности, повышения профессионализма, оснащения новой боевой техникой, улучшения благосостояния военнослужащих Министерству обороны выделяются внушительные денежные средства. К сожалению, кроме ожидаемых положительных результатов деятельности, на достижение которых и выделяются такие средства, выявляются многочисленные хищения денежных средств, совершаемые, как правило, военнослужащими с использованием своего служебного положения.

Иллюстрируя изложенное, можно привести в пример данные заместителя Генерального прокурора РФ — Главного военного прокурора С. Н. Фридинского, который отмечает, что в 2009, 2010 и 2011 гг. количество преступлений, направленных на завладение бюджетными средствами, выделяемыми на военные нужды, продолжало расти. Так, только в 2011 г. ущерб от преступлений коррупционной направленности превысил 3 млрд (!) рублей. Схемы хищений весьма разнообразны. В основном, как отмечает С. Н. Фридинский, это нецелевое использование бюджетных средств, нарушение правил и требований по проведению аукционов, конкурсов и отбора подрядчиков, оплата реально не выполненных работ, значительное завышение цен на продукцию военного назначения. Размах хищений просто «заоблачный», космический. Примером являются хищения, совершенные бывшим руководством Центра анализа электромагнитной совместимости ФГУП «Воентелеком», на сумму почти 700 (!) млн рублей. Руководители «Воентелекома» еще в 2005 г. совместно с коммерсантами разработали и реализовали мошенническую схему «отъема» денег, которые предназначались для выполнения конкретных расчетов, в частности, совместимости гражданской и военной связи. Преступную группу возглавляли бывшие начальник этого Центра Дмитрий Фунтов и его первый заместитель Сергей Лучанинов. Они, к сожалению, скрылись от следствия, и в настоящее время объявлены

в розыск. Сотни миллионов рублей незаконно перечислялись «Воентелекомом» на счета фирм, с которыми были заключены фиктивные договоры на проведе-

ние тех самых расчетов. В реальности же эту работу выполняли подразделения связи Минобороны. Таким образом, казенные средства были похищены [3].

Противостоять преступлениям в данной сфере призваны оперативные и следственные подразделения ФСБ и Военно-следственного управления Следственного комитета России, а также сотрудники Главной военной прокуратуры. Однако качество их работы напрямую зависит от уровня криминалистического обеспечения процесса расследования, обусловленного систематизацией научных знаний о таких преступлениях и соответствующего эмпирического материала. К сожалению, практика показывает, что уровень борьбы с хищениями денежных средств и иных ценностей в Вооруженных силах далек от совершенства. Обусловлено это несколькими причинами. Во-первых, достаточно высоким профессиональным и интеллектуальным уровнем лиц, совершающих такие хищения, заранее продумывающих меры по их сокрытию и уходу от установленной законом ответственности. Во-вторых, пренебрежением рекомендациями криминалистики о применении специальных знаний в процессе выявления и расследования обозначенной категории преступлений. Речь идет, в основном, о такой форме применения специальных знаний, как производство судебных экспертиз, результаты которых являются, как правило, одними из самых веских доказательств виновности фигурантов по уголовным делам о хищениях рассматриваемого вида.

Как справедливо отмечает Д. А. Харченко, при раскрытии преступлений и расследовании по уголовным делам возникают вопросы, решение которых невозможно без использования специальных знаний, умений и навыков, приобретенных в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания информации о преступлении. Трудно представить процесс доказывания по уголовным делам без производства судебных экспертиз [13, с. 6]. Сказанное выше в полной мере относится и к расследованию хищений, совершаемых военнослужащими с использованием своего служебного положения.

Изучение следственной и судебной практики свидетельствует о том, что в ходе расследования данного вида преступлений в числе прочих часто назначается фоноскопическая судебная экспертиза, чему и посвящена настоящая статья.

Практика показывает, что с учетом специфики военной среды, в которой происходят хищения (режимность объектов, закрытые воинские коллективы, круговая порука, специфичность нормативной базы Минобороны и др.), некоторых личностных особенностей преступников-военнослужащих доказывание фактов совершения мошенничеств возможно только путем использования всего комплекса следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Поэтому одной из особенностей возбуждения уголовных дел о хищениях

рассматриваемого вида является обязательная серьезная предварительная оперативная разработка фигурантов.

При этом особое значение в выявлении преступных связей членов преступных групп (а мошенничества данного вида совершаются в подавляющем большинстве случаев именно группами лиц), установлении взаимоотношений между собой, иных значимых обстоятельств совершенных преступлений имеет анализ результатов негласной аудио- и видеозаписи и прослушивания телефонных переговоров. Их фонограммы после представления следователю подлежат осмотру и экспертному исследованию в целях отождествления зафиксированного на них голоса с голосом конкретного человека, для чего необходимо назначение фоноскопической судебной экспертизы.

Как отмечает Е. И. Галяшина, данная экспертиза проводится в целях установления личности говорящего по голосу и речи, установления аутентичности фонограмм, выявления признаков стирания, копирования, монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, а также определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи. Перед экспертами-фоноскопистами ставятся идентификационные и диагностические задачи, требующие комплексного исследования фонограмм звучащей речи [2]. Объектами рассматриваемой экспертизы являются фонограммы, приобщенные к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств или иных документов. Как показало проведенное исследование, по уголовным делам о мошенничестве, совершенном военнослужащими с использованием служебного положения, объектами являлись фонограммы негласной аудио- и видеозаписи, а также прослушивания телефонных переговоров частных к хищениям лиц.

Данные объекты в случае легализации и реализации материалов оперативно-разыскной деятельности передаются следователю на основании межведомственного приказа силовых ведомств России, утвердившего соответствующую Инструкцию [9].

Процесс организации назначения фоноскопической судебной экспертизы по делам рассматриваемой категории можно подразделить на ряд этапов.

Придя к выводу о необходимости назначения фоноскопической экспертизы, следователь должен определить экспертное учреждение либо экспертов, которые будут проводить экспертизу. Что касается экспертных учреждений, в которых проводится рассматриваемый вид судебных экспертиз, то таковыми являются экспертно-криминалистические подразделения Федеральной службы безопасности России, а также государственные экспертные учреждения системы Министерства юстиции и МВД России. Конечно, специалистов соответствующего профиля можно найти и в негосударственных экспертных учреждениях, однако в связи со спецификой и значимостью расследуемых преступлений данной категории такие экспертизы целесообразно проводить только в государствен-

ных экспертных учреждениях. При этом эксперты для решения многих вопросов должны обладать широким спектром знаний из разных областей науки и техники (лингвистики и акустики, математики, радиотехники и др.).

Во-вторых, определить объекты, которые подлежат направлению на экспертизу, и в случае необходимости провести отбор образцов для сравнительного исследования. Как отмечает Е. И. Галяшина, при назначении фоноскопической экспертизы необходимо иметь в виду, что в процессе ее производства может возникнуть необходимость в дополнительной информации об обстоятельствах, условиях, способе и технических средствах получения фонограмм, приобщенных к уголовному делу, а также представления на экспертизу самого звукозаписывающего устройства (магнитофона). Сведения о месте, способе, технических средствах и иных обстоятельствах производства записи приобщенных к делу фонограмм имеют существенное значение для правильной квалификации дефектов фонограммы, нарушений непрерывности ее записи и принятия решения об отнесении или неотнесении их к признакам монтажа, предупреждения возможных экспертных ошибок [2].

В распоряжение экспертов необходимо представить оригиналы фонограмм, подлежащих исследованию, распечатки этих фонограмм, установочные данные на фигуранта (сведения о месте и дате рождения, национальности, родном языке, образовании, специальности, профессии, месте наиболее длительного проживания, знании иностранных языков), информацию о технических условиях звукозаписи (дата, время, тракт передачи, тип магнитофона и микрофона, характеристика помещения).

В случае, если необходимо решить вопрос о наличии признаков монтажа фонограммы, следует предоставить экспертам техническое средство, с помощью которого производилась звукозапись оригинала фонограммы, и подробную информацию об обстоятельствах и ситуации, в которой велась запись.

Определяющее значение для результативности рассматриваемой судебной экспертизы имеют образцы для сравнительного исследования, к качеству и порядку получения которых экспертами выдвигаются определенные требования.

Как отмечают Д. А. Сорокотягина и И. Н. Сорокотягин, «успех фоноскопической экспертизы во многом обуславливается качеством и количеством образцов для сравнительного исследования, представленных в распоряжение эксперта. К ним относятся фонограмма устной речи идентифицируемого лица, записанная в тех же условиях, при которых была изготовлена исследуемая фонограмма, а также экспериментальная запись устной речи того же лица, сделанная в оптимальных условиях» [11, с. 271].

То есть одной из особенностей образцов является то, что их необходимо отбирать в условиях, близких к тем, в которых производилась исследуемая звукозапись. Воссоздать такие условия необходимо, в том числе, и с учетом оперативной информации об обстоятельствах, в которых совершалось преступ-

ление. Кроме того, при записи фонограммы фигурант должен будет произносить те же самые фразы и слова, что и в исследуемой фонограмме. Однако основное требование к таким фонограммам, как отмечает Е. Р. Россинская, это высокое качество звукозаписи и запись речевого сигнала в наиболее присущей данному человеку речевой манере, чтобы эксперт смог выделить и оценить индивидуализирующие признаки голоса и речи [10, с. 410].

Образцы для сравнительного исследования получают следователем в порядке, установленном ст. 202 УПК России. Однако не секрет, что далеко не всегда образцы для экспертного исследования могут быть получены процессуальным путем. Так, результаты фоноскопических экспертиз в изобличении и доказывании вины участников преступных сообществ или иных форм групповой и организованной преступности, как обоснованно указывают П. П. Ищенко и С. П. Яковлев, имеют чрезвычайно важное значение, а в условиях отказа от дачи показаний и «круговой поруки» обвиняемых — просто незаменимы. В то же время уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрен механизм получения образцов голоса обвиняемого (подозреваемого) в случае, если последний отказывается дать их добровольно (в отличие, например, от образцов смывов с рук, срезов ногтей, отпечатков пальцев рук, и т.п., процесс получения которых носит узаконенно принудительный характер) [4].

Однако, несмотря на отсутствие законодательной регламентации подобных случаев, практика идет по пути использования имеющихся в материалах уголовного дела свободных (например, когда имеется аудио-, видеозапись лица до его задержания, приобщенная к материалам дела в качестве вещественного доказательства) или условно свободных (например, полученных во время проведения следственных действий, фиксировавшихся с помощью аудио-, видеозаписи) образцов голоса.

Кроме того, для получения образцов голоса при отказе подозреваемого, обвиняемого следователь может использовать оперативные возможности органов безопасности в войсках. В этом случае он выносит соответствующее поручение в порядке ст. 38 УПК России и направляет его в оперативное подразделение ФСБ, обслуживающее конкретный объект, территорию, войсковую часть. По результатам исполнения в установленный законом срок это подразделение направляет в следственный орган полученные материалы.

Как отмечается судебными инстанциями, в случае отказа субъекта преступления представить добровольно фонограммы голоса закон не запрещает в качестве таковых использовать условно свободные образцы, возникшие после возбуждения дела, но не в связи с подготовкой материалов на экспертизу. Однако для признания заключений экспертов по результатам фоноскопических экспертиз допустимыми доказательствами передача образцов для сравнительного исследования должна производиться в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, на основании постановления следователя,

в котором должны содержаться сведения об обстоятельствах получения образцов голосов. Также учитываются положения ст. 89 УПК России о том, что в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам Уголовно-процессуальным кодексом России [7].

Органы ФСБ, проводившие оперативно-разыскное мероприятие, в результате которого получены соответствующие образцы, представляют результаты мероприятия следователю в соответствии с уже упомянутой Инструкцией, утвержденной Приказом МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФСКН России и др. от 17 апреля 2007 г.

Следующим этапом назначения экспертизы является формулирование вопросов, подлежащих разрешению экспертами. При этом следователю целесообразно либо воспользоваться специальными справочниками, содержащими типичные формулировки вопросов для разрешения рассматриваемой судебной экспертизой, либо привлечь специалиста для постановки вопросов эксперту, как это указано в УПК РФ (ст. 58).

Далее необходимо вынести постановление и ознакомить с ним подозреваемого (обвиняемого). При этом последний пользуется предоставленными ему Уголовно-процессуальным законодательством правами заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

После этого необходимо направить постановление вместе с объектами для производства экспертизы в соответствующее учреждение [5, 6, 8, 10].

Ведя речь о назначении судебной фоноскопической экспертизы в ходе расследования мошенничества, совершенного военнослужащими с использованием своего служебного положения, нельзя не упомянуть о роли сведущих лиц в этом процессе и взаимодействии с ними должностных лиц органов следствия.

Как известно, взаимодействием является «основанная на законе и иных нормативных актах совместная деятельность имеющих различную компетенцию и специализацию, а также обладающих различным уровнем знаний в области криминалистики, оперативно-разыскной деятельности, уголовного права и процесса субъектов, направленная на достижение общей цели — раскрытие и расследование преступлений, установление объективной истины и обеспечение правильного применения закона» [12, с. 7].

Формы взаимодействия следователя как основного его субъекта с иными участниками уголовного судопроизводства, в том числе специалистами и экспертами, принято подразделять на процессуальные и непроцессуальные (или организационные) [1, с. 252]. Одним из видов непроцессуальной (т. е. не отражающейся в материалах уголовного дела), хотя и весьма эффективной формы взаимодействия можно считать консультации со специалистом по различным вопросам применения специальных знаний в ходе расследования.

Как правило, на стадии принятия решения об экспертном исследовании полученных объектов (фонограмм и т. п.) при определении вида специальных знаний, подлежащих применению, и, соответственно, вида назначаемой судебной экспертизы, тактически целесообразным представляется привлечение специалиста соответствующего профиля, который окажет следователю консультативную помощь, информируя о возможностях и перспективах экспертных исследований.

При определении объектов, подлежащих направлению эксперту, формулировке вопросов, подлежащих разрешению, также весьма желательным представляется тесное взаимодействие со специалистом в виде дачи им соответствующих консультаций. Последние позволят следователю грамотно сформулировать вопросы, подлежащие разрешению, избежав постановки некорректных, должным образом описать и упаковать объекты-носители голосовой информации, представить иные сведения, необходимые экспертам. Перед изъятием образцов для сравнительного фоноскопического исследования следователю в обязательном порядке необходимо проконсультироваться со специалистом, который прослушает спорную фонограмму и даст рекомендации о том, каким требованиям должны отвечать такие образцы, в каких условиях их необходимо отбирать, с помощью какой аппаратуры.

Согласно проведенному исследованию по всем изученным уголовным делам и данным анкетирования респондентов о преступлениях рассматриваемой категории при назначении фоноскопической судебной экспертизы имело место взаимодействие следователя со специалистом в форме оказания последним консультативной помощи. Как следствие, не имело место возвращение постановлений о назначении экспертиз без исполнения в связи с допущенными ошибками, полученные заключения экспертов стали серьезной доказательственной базой предъявленных фигурантам обвинений, и вина их была доказана в суде.

Подводя итог под изложенным, можно прийти к выводу, что следование криминалистическим рекомендациям при назначении фоноскопической судебной экспертизы позволит проводить ее с максимальной результативностью, что повлечет за собой сокращение сроков расследования, привлечение к установленной законом ответственности виновных лиц, и, как следствие, повышение

эффективности расследования хищений, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения.

Список библиографических ссылок

1. Анпилогов В. В. Правовые основы взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2.
2. Галяшина Е. И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2011. № 12.
3. Интервью заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора Сергея Фридинского информационному агентству «Интерфакс» / Сайт Генеральной прокуратуры России в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/news/news-74655/>. (дата обращения: 11.01.2012).
4. Ищенко П. П., Яковлев С. П. О некоторых вопросах проведения фоноскопических экспертиз по уголовным делам о преступлениях, совершенных в организованных формах, в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль. 2011. № 2.
5. Карлов В. Я. Судебная экспертиза в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2008.
6. Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963.
7. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 27 июня 2012 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973.
9. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России № 368/185/164/481/32/184/97/147 от 17 апреля 2007 г. // Рос. газ. 2007. 16 мая.
10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008.
11. Сорокотягина Д. А., Сорокотягин И. Н. Судебная экспертиза. Ростов н/Д, 2008.
12. Тертышник В. М., Слинько С.В. Взаимодействие следователя с иными подразделениями органов внутренних дел при расследовании преступлений. Харьков, 1995.
13. Харченко Д. А. Судебная экспертиза в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.

© Янин С. А., Шумигай И. Н., 2012

С. А. Смотров,

начальник ЭКЦ УМВД России по Ивановской области,
кандидат юридических наук;

П. В. Шебанов,

старший эксперт ЭКЦ УМВД России по Ивановской области

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В «ПОЛЕВЫХ» УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается вопрос организации проведения криминалистических экспертиз вещественных доказательств, которые не могут быть направлены на исследование в натурном виде.

Ключевые слова: экспертиза, трасология, «полевая» криминалистика.

S. A. Smotrov,

Chief of the Forensic Center of the Department of the Ministry
of Interior of Russia in the Ivanovo Region, Candidate of Science (Law);

P. V. Shebanov,

Senior Expert of the Forensic Center of the Department
of the Ministry of Interior of Russia in the Ivanovo Region

FORENSIC EXAMINATION UNDER THE FIELD CONDITIONS

The authors analyze the problem of organization of the conduct of forensic examinations of real evidence which cannot be forwarded for examination in kind.

Keywords: examination, traceology, field forensics.

В соответствии со ст.8 Федерального закона от 31.05.2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт должен проводить исследования «объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме». Выполнение данных требований закона при проведении экспертного исследования в лабораторных условиях в ряде случаев не представляется возможным.

Так, например, в ноябре 2011 г. в дежурную часть МО МВД РФ «Кинешемский» поступило заявление гр-ки О. по факту того, что в период времени с июня по ноябрь 2011 г. с фундамента строящегося ею дома, расположенного по адресу ул. Дачная, д. 18, в д. Долматово Заволжского района Ивановской области, тайно похищены 12 железобетонных плит (рис. 1). Ущерб от хищения составил 123 600 рублей и являлся значительным. В ходе расследования уголовного дела в мае 2012 г. было установлено, что на участке на ул. Дачная, д. 4, в д. Долматово Заволжского района находятся 12 железобетонных плит (рис. 2), которые, со слов гр-нки О., ранее были уложены на фундамент строящегося ею дома. В связи с указанными обстоятельствами по делу необходимо было провести трасологическую экспертизу для подтверждения/опровержения показаний гр-нки О., однако исследовать объекты, подлежащие изучению экспертом (фундамент строящегося дома и обнаруженные бетонные плиты), можно было только по месту их нахождения.

Рис. 1. Фундамент строящегося ею дома, расположенного по адресу ул. Дачная, д. 18, в д. Долматово Заволжского района Ивановской области

Рис. 2. Железобетонные плиты на участке д. 4 на ул. Дачная
в д. Долматово Заволжского района Ивановской области

Возможность проведения экспертизы на месте происшествия ранее рассматривалась А. В. Дуловым [1], Н. В. Терзиевым [2] и Р. Д. Рахуновым [3], Б. М. Комаринцем [4], Г. Л. Грановским [5], Р. С. Белкиным [6] и др.

Рассматривая основания для назначения проведения такой экспертизы, Б. М. Комаринец отмечал [4], что «криминалистическая экспертиза должна производиться на месте происшествия в следующих случаях:

1. Когда для разрешения вопросов, стоящих перед ней, важно исследовать не только отдельные вещественные доказательства, но и обстановку места происшествия.
2. Если для ее успеха нужно исследовать взаимосвязь между следами на различных предметах, имеющихся на месте происшествия.
3. Когда вещественные доказательства со следами преступления или преступника не могут быть доставлены с места происшествия в криминалистическую лабораторию из-за громоздкости или вследствие опасности искажения или порчи следов при транспортировке».

Р. С. Белкин отмечал, что основная идея Б. М. Комаринца заключалась в «возможности, а иногда и необходимости именно экспертного исследования всей обстановки места происшествия для решения задач, относящихся к предмету конкретных видов криминалистической экспертизы» [6], и полагал обоснованными его «аргументы в пользу проведения в ряде случаев криминалистических экспертиз на месте происшествия на самом начальном этапе расследования, иногда практически параллельно с осмотром места происшествия (разрядка наша), в котором криминалист будет принимать участие именно как эксперт, а не как специалист, что найдет свое обоснование в процессуальном акте назначения экспертизы и будет полностью соответствовать закону, предоставляющему именно эксперту такое право» [6].

Учитывая невозможность в рассматриваемом нами случае проведения исследования в лабораторных условиях в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ) следователю было заявлено ходатайство о проведении осмотра и изучения объектов на месте их нахождения с участием эксперта ЭКЦ (экспертная специализация — судебная трасология) для выяснения возможности решения экспертом вопроса о том, были ли плиты, обнаруженные на участке по ул. Дачная, д. 4, ранее уложены на фундамент дома, строящегося на участке по ул. Дачная, д. 18.

Проведение данного следственного действия регламентировано ч. 2 ст. 284 УПК РФ.

В ходе визуального осмотра фундамента строящегося дома и плит, обнаруженных на другом участке, было установлено:

— по своим размерным данным плиты, находящиеся на участке д.4, соответствуют размерам плит, которые ранее были уложены на фундамент строящегося дома на участке д. 18;

— провести сравнение формы и размеров краев строительного раствора, который был выдавлен за края плит, которые ранее были уложены на фундамент дома на участке д. 18, с формой и размерами нижних краев плит, находящихся на участке д. 4, не представилось возможным в связи с тем, что их совмещение возможно было провести только за счет физического совмещения плит и фундамента с использованием специального оборудования и требовало значительных материальных и временных затрат.

Таким образом, задача эксперта усложнилась и состояла не только в изучении признаков исследуемых объектов (фундамента и бетонных плит), но и в изучении материальной обстановки обоих участков в целях обнаружения, изучения, оценки и фиксации объектов и их признаков, позволяющих решить вопрос, интересующий следствие, т. е. самостоятельном обнаружении и сборе материалов для экспертного исследования. В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе решать данную задачу. Как нам представляется, в подобных ситуациях необходимо воспользоваться процессуальными правами, предоставляемыми специалистам в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ. «Специалист — лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Очевидно, что для «обнаружения, изучения признаков и их оценки, закреплении и изъятия» предметов в объеме, достаточном для производства экспертизы, специалист обязан обладать специальными познаниями эксперта соответствующей специализации.

В связи с изменением задач проводимого следственного действия при осмотре территории строящегося дома экспертом-трасологом, принимавшем участие в следственном действии уже в качестве специалиста, было обращено внимание на наличие многочисленных обломков кирпичей и бетонных плит. В связи с этим им было высказано предположение, что осколки бетонных плит могли произойти от плит, обнаруженных на участке д. 4. При сравнении нескольких обломков с выступающими из земли поврежденными участками бетонных плит

было установлено их совпадение по наличию, форме и размерам общей линии разделения (рис. 3).

Рис. 3. Совмещение одного из обломков и плиты

Совокупность установленных совпадений позволила прийти к категорическому выводу о том, что бетонные плиты, обнаруженные на участке д. 4, ранее составляли единое целое с обломками бетонных плит, обнаруженных на участке д. 18. В целях установления относительной давности нахождения данных обломков на территории участка д. 18 было исследовано их «ложе». При этом было установлено, что осколки углублены в землю, трава под ними отсутствовала. Данные признаки указывали на то, что обломки находились на местах их обнаружения до начала весеннего периода времени.

В результате проведенного следственного действия с участка д. 18 были изъяты и приобщены к материалам уголовного дела 2 обломка бетонных плит, имеющих общую линию разделения с двумя из плит, расположенных на участке д. 4.

Учитывая то, что бетонные плиты, подлежащие исследованию в ходе трасологической экспертизы, не могли быть изъяты и представлены на экспертное исследование в натурном виде, специалист, имеющий квалификацию эксперта-трасолога, произвел фотографирование объектов в объеме, достаточном для проведения исследования и формулирования выводов по фотоснимкам, помещенным в фототаблицу к протоколу осмотра вещественных доказательств, расположенных по адресам ул. Дачная, д. 4 и д. 18.

Учитывая то, что результаты осмотра и исследования, проведенных специалистом на месте нахождения вещественных доказательств с применением специальных познаний в области судебной трасологии, показали возможность

получения доказательственной информации, следователем было вынесено постановление о назначении судебной трасологической экспертизы, на разрешение которой были представлены два обломка бетонных плит и фототаблица к протоколу следственного действия. На разрешение эксперта, с учетом результатов исследования, проведенного в «полевых» условиях, был поставлен вопрос: «Не составляли ли ранее единое целое два обломка бетонных плит, обнаруженных на участке д. 18 ..., с бетонными плитами, обнаруженными на участке д. 4 ...» Производство экспертизы было поручено эксперту, принимавшему участие в качестве специалиста в осмотре вещественных доказательств по месту их нахождения.

Очевидно, что вывод, сделанный экспертом при производстве экспертизы, не отвечал на первоначальный вопрос, интересующий следствие, но давал определенную информацию, которую следователю необходимо было оценить

в совокупности с другими материалами дела.

Таким образом, в настоящее время УПК РФ не предоставляет возможность проведения криминалистических экспертиз в «полевых» условиях, связанных с обнаружением объектов, подлежащих экспертному исследованию, в целях решения вопросов, поставленных на разрешение эксперта. В то же время осмотр и изучение в этих целях вещественных доказательств, проведенные следователем с участием специалиста, обладающего специальными познаниями в объеме квалификации эксперта, и правильная фиксация полученных в его ходе результатов позволяют получить информацию, способствующую раскрытию преступления.

Список библиографических ссылок

1. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1957.
2. Терзиев Н. В. Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия. М., 1955.
3. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953.
4. Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы. Сб.1 (2). М., 1964.
5. Грановский Г. Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях 21 апреля 1977 г. М., 1977. Вып. 16.
6. Белкин Р. С. Криминалистическая экспертиза на месте происшествия // Теория и практика криминалистической экспертизы. Волгоград, 1980. С. 16—27.

© Смотров С. А., Шебанов П. В.,

Д. В. Кайргалиев,

старший преподаватель кафедры
криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат биологических наук;

В. А. Васильев,

старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики
Волгоградской академии МВД России,
кандидат химических наук;

А. А. Курин,

начальник кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук;

В. В. Гладырев,

главный эксперт отдела экспертиз
с применением химических методов,
Управления экспертиз с применением химических методов,
Управления экспертиз и исследований материалов,
веществ и изделий
ГУ ЭКЦ МВД России;

Г. А. Печников,

профессор кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

НОВОЕ В МЕТРОЛОГИИ ДЛЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Рассматривается современный подход к проблеме статистической обработки экспериментальных результатов в судебной экспертизе с позиции новых международных стандартов неопределенности измерения. Даны рекомендации и примеры расчета неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность измерения, способ оценивания неопределенности по типу А или В, достоверность измерений, метрология.

D. V. Kayrgaliev,

Senior Lecturer of the Chair of Criminalistic Techniques
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Biology);

V. .A. Vasiliev,

Senior Lecturer of the Chair of Traceology and Ballistics
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Chemistry);

A. A. Kurin,

Head of the Chair of Criminalistic Techniques
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Engineering);

V. V. Gladyshev,

Senior Expert of the Subdivision of Forensic Examination
with the Application of Chemical Methods, the Department
of Forensic Examination with the Application of Chemical Methods,
the Department of Examination of Materials, Substances and Articles,
the Forensic Center of the Main Department of the Ministry of Interior of Russia;

G. A. Pechnikov,

Professor of the Chair of Criminal Procedure
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Professor

NEW TRENDS IN THE METROLOGY FOR FORENSIC EXPERTS

The authors analyze the modern approach to the problem of statistical processing of experimental results in forensic examination in terms of new international standards of uncertainty in measurement. They give their own recommendations and examples of uncertainty calculation.

Keywords: uncertainty in measurement, way of uncertainty estimation according to type A or B, measurement certainty, metrology.

В условиях трансформационной экономики и формирования глобальных рыночных отношений важным фактором стабильного развития экономики Российской Федерации и научно-технического прогресса общества является защита прав граждан от отрицательных последствий недостоверных результатов измерений [1]. Терминологический аппарат теории ошибок, применяемый в России, вошел в противоречие с европейской концепцией управления качеством товаров и услуг на основе стандартов ISO 9000 и ISO 9001. Применяемый в России термин «ошибка» (англ. the error) не соответствует стратегии управления качеством, что требует внесения корректив в логические подходы к оценке качества не только проведенных измерительных операций, но и к оценке качества резуль-

татов всего экспертного исследования, а также к безошибочному выполнению всех проводимых измерительных операций. Однако исключить ошибки из экспериментальных данных не представляется возможным в силу ограничений, накладываемых точностью самих измерительных приборов.

В 1993 г. под эгидой семи международных организаций было опубликовано «Руководство по выражению неопределенности», которое стало международным регламентом метрологического обеспечения [2]. Руководство направлено на обеспечение потребителей информацией обо всех погрешностях, полученных в результате измерений, а также на обеспечение международной унификации отчетов об измерениях для сопоставимости результатов на международном уровне.

Экспертами и специалистами МВД России, Министерства юстиции РФ, Федеральной таможенной службы и др. проводится основной объем измерений при производстве процессуальных действий.

Необходимо учитывать, что судебно-экспертная деятельность правоохранительных органов, направленная на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, должна подчиняться выполнению требований Федерального закона РФ «Об обеспечении единства измерений» и может быть реализована путем выработки единых подходов в метрологическом ее обеспечении.

Необходимость освоения и применения в экспертной практике современных подходов оценки качества криминалистических исследований продиктована следующими предпосылками:

— во-первых, вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО);

— во-вторых, потребностью судов и органов предварительного следствия в получении доказательства — заключения эксперта, учитывающего требования к прослеживаемости (контроль качества) исследования, измерений и анализа по уголовным делам, возбужденным в отношении иностранных граждан стран-участниц ВТО или Европейского союза;

— в-третьих, оценкой экспертом заключения другого эксперта при производстве повторной судебной экспертизы, оценкой его достоверности органами судебной власти и прокуратуры.

К первоочередным задачам метрологического обеспечения следует отнести:

1) унификацию и обеспечение единства измерений при разработке криминалистических методик решения экспертных задач, производстве судебных экспертиз вещественных доказательств — объектов судебной экспертизы;

2) анализ и установление рациональной номенклатуры измеряемых параметров и оптимальных норм точности измерений [2] при производстве экспертных исследований, контроле характеристик и метрологическом обслуживании (учет, хранение, поверка, калибровка, юстировка, наладка, ремонт) криминалистического измерительного оборудования экспертных подразделений;

3) аттестация и внедрение в судебно-экспертную деятельность государственных методик проведения измерений, гарантирующих необходимую точность измерений (или заданную неопределенность);

4) контроль измерительного оборудования в реальных условиях производства судебной экспертизы, соблюдение установленных метрологических правил и норм;

5) разработка и внедрение нормативных документов, регламентирующих вопросы метрологического обеспечения.

Следующим этапом является повышение эффективности метрологического обеспечения. Руководством ЭКЦ МВД России запланирован комплекс организационных и организационно-методических мероприятий, нацеленных на совершенствование и контроль качества экспертиз по каждому конкретному роду и виду на основе передового экспертного опыта, включающий в себя:

1) оптимизацию парка криминалистического (контрольного, измерительного) оборудования, исходя из принципа необходимости и достаточности;

2) замену морально устаревшего криминалистического оборудования современным оборудованием, внедрение новых экспертных технологий;

3) автоматизацию процессов применения экспертных методов;

4) оптимизацию точности измерений по экономическому критерию: использование точных средств измерения (СИ) при производстве судебных экспертиз в сравнении с применением СИ с более грубым классом точности в деятельности специалиста-криминалиста на месте происшествия;

5) совершенствование процедур поверки, калибровки, ремонта средств измерения с учетом экономической эффективности;

6) повышение профессионального уровня государственных судебных экспертов в рамках факультетов переподготовки, повышения квалификации вузов МВД России по вопросам метрологического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Ранее количественной мерой достоверности измерений в судебной экспертизе, близости результата к истинному значению измеренной величины (твердость клинка, масса наркотического средства или толщина автомобильного лакокрасочного покрытия) служило метрологическое понятие «погрешность измерения», научно обосновывающее возможность использования заключения эксперта следователем (судом) в качестве доказательства.

Система современных критериев обеспечения качества [3] судебно-экспертных исследований, выполняемых с использованием измерительных методов, основывается на концепции описания результатов измерений с учетом следующих положений:

— замена понятий «погрешность» и «истинное значение измеряемой величины» понятиями «неопределенность» и «оцененное значение измеряемой величины» соответственно;

— переход от разделения погрешностей по природе их проявления (случайные, систематические) к классификации по способу оценивания неопределенности измерений (тип А — методами математической статистики, тип В — другими методами) [4].

Отличительной особенностью предлагаемой концепции метрологического обеспечения является различное толкование основных понятий метрологии: истинное значение измеряемой величины и результат измерения.

Погрешность технико-криминалистического средства (или результата измерений) понимали как разницу между результатом измерения и истинным значением измеряемой величины [5]. Например, содержание наркотического средства героина (диацетилморфина) в изъятом у гр. А. порошкообразном веществе определяли хроматографическим методом измерения концентрации наркотически активного компонента в растворе представительной пробы (проб) исследуемого объекта, получаемый результат имел единственное значение, которое при симметричном законе распределения находится в середине вероятностного интервала. В пределах этого интервала с определенной вероятностью находится уникальное (искомое) истинное значение концентрации контролируемого вещества и погрешность результата измерения, представляющая собой разницу между результатом измерения и истинным значением, которая является детерминированной.

Новая метрологическая концепция утверждает (и с этим невозможно спорить): поскольку истинное значение измеряемой величины неизвестно, тогда и погрешность измерения также является неизвестной величиной. В отечественной метрологии погрешность измерений, в отличие от погрешности результата измерений, которая имеет вероятностный характер, оставалась неизвестной.

Современные воззрения [6] на процесс измерения доказали:

— любая физическая величина непрерывно изменяется во времени и в пространстве;

— любое средство измерений имеет конечные временные и пространственные интервалы измерения;

— любая измеряемая величина может характеризоваться набором численных значений, находящихся в пределах некоторого интервала, называемого неопределенностью определения измеряемой величины, выражающего неполноту знания значения измеряемой величины, а также являющегося количественной характеристикой неполноты этого знания.

Неопределенность является количественной характеристикой рассеяния значений, которые может принимать измеряемая величина. С математической точки зрения неопределенность может быть описана двумя значениями:

— стандартной неопределенностью, которая является аналогом среднеквадратичного отклонения случайной величины;

— расширенной неопределенностью, которая является аналогом доверительного интервала.

Помимо указанных общностей необходимо отметить, что в классической теории оценки точности проведенных измерений и концепции неопределенности по разному трактуется понятие дисперсии, которая характеризует разброс наблюдаемых значений. В первом случае она относится к истинному значению измеряемой величины, а во втором — к результату измерения. Такой подход позволяет получить степень свободы при интерпретации результатов проведенного исследования в части определения интервала обоснованных значений измеряемой величины (при предположении, что при выполнении измерений экспертом не было допущено ошибок). «Точность» измерений определяется значением доверительного интервала с установленной доверительной вероятностью, приписываемого измеряемой величине. В качестве примера допустим, что при измерении некоторой величины получен результат 100 ± 1 . С точки зрения концепции погрешности значение 100 является результатом измерения, а значение ± 1 является погрешностью результата измерения. С точки зрения новой концепции (неопределенности) полученные значения представляют собой неотрицательный интервал 99—101, который приписывается измеряемой величине.

Согласно положениям теории неопределенности различают два типа неопределенностей, составляющие которых оцениваются различными способами соответственно:

- тип «А» получают из закона распределения вероятностей;
- тип «В» получают из функции вероятности наступления события или частоты его наступления.

Оба типа неопределенности (без выявления различий в их природе) позволяют оценить распределение вероятностей по величине дисперсии или стандартного отклонения.

Для удовлетворения требований в области производства судебно-экспертных исследований используют три основных параметра [7—9]:

- стандартную неопределенность (u_c);
- расширенную неопределенность (U) — величину, характеризующую интервал относительно результата измерения, в пределах которого ожидается появление значений, которые могли быть с достаточным основанием приписаны измеряемой величине;
- коэффициент охвата (k), который выбирается на основе уровня доверия измеряемой величины Y в интервале $y - U \leq Y \leq y + U$, где U рассматривается как интервал относительно результата измерения $Y = y \pm U = y \pm k u_c(y)$, который содержит основную часть распределения вероятностей p и характеризуется стандартной неопределенностью. Величина p является «вероятностью охвата»

или «уровнем доверия» для указанного выше интервала. Величина k изменяется в пределах $2 \leq k \leq 3$. Экспертный опыт свидетельствует, что при $k = 2$ уровень доверия составляет 95 %, а при $k = 3$ уровень доверия составляет 99 %.

Расширенная неопределенность вычисляется как произведение суммарной стандартной неопределенности u_c на коэффициент охвата k :

$$U = k u_c(y)$$

Очевидно, что все величины, оказывающие влияние на конечный результат измерения, изменяются. Соответственно их неопределенность можно оценить методами математической статистики на основе математической модели измерения и закона распространения неопределенности. Моделирование измерений может производиться с заданной точностью. Причем параметры точности закладываются на стадии научного планирования эксперимента по методу полнофакторной модели [10]. Построение такого эксперимента позволяет выявлять и отсеивать грубые ошибки («промахи») на стадии регистрации данных или при обработке экспериментальных данных.

В общем виде новая методика дает схему определения неопределенности, но не заменяет критичность мышления судебного эксперта, его умение отыскивать ошибки и раскрывать причины их происхождения. Оценка неопределенности не является ни рутинной работой, ни чисто математической. Она зависит от детального знания природы измеряемой величины и измерения. Качество и ценность определения неопределенности результата измерения, в конечном счете, зависят от понимания, критического анализа получаемых результатов исследования.

Из приведенных рассуждений следует вывод о необходимости соблюдения требований метрологического характера, необходимости совершенствования методического обеспечения экспертных исследований, а также обязательности оценки достоверности результатов проведенного исследования. Оценка результатов судебной экспертизы следователем и судом на предмет достоверности заключения эксперта должна начинаться с установления метрологической надежности используемой методики, от которой зависит сущность и содержание процесса решения экспертной задачи в конкретном случае: последовательность, условия, совокупность методов, приемов и технических средств. Только полномасштабная оценка самого заключения эксперта, хода и результатов проведенного исследования дают возможность следователю (суду) использовать заключение эксперта в качестве доказательства.

Список библиографических ссылок

1. Об обеспечении единства измерений: федер. закон Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ // Рос. газ. 2008. 2 июля.

2. Руководство по выражению неопределенности измерения. Guide to the expression of uncertainty in measurement; ISO/TAG-WG3, Geneva, June 1993.
3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2006. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий.
4. Романов В. Н. Теория измерений. Основы теории точности средств измерений: учебник. СПб.: СЗТУ, 2006.
5. Бараш В. Я., Третьякова О. Ю. Неопределенность и погрешность в современной метрологии // Законодательная и прикладная метрология. 2009. № 5.
6. Походун А. И. Экспериментальные методы исследований. Погрешности и неопределенности измерений: учеб. пособие. СПб: СПбГУ ИТМО, 2006. С. 112.
7. Мокров Ю. В. Метрология, стандартизация, сертификация: учеб. пособие. Дубна, 2007. С. 132.
8. Потенциальная точность измерений: учеб. пособие / под ред. В. А. Слаева. СПб.: Проффессионал, 2005. С. 104.
9. МИ 2552-99 Рекомендация. ГСИ. Применение «Руководства по выражению неопределенности измерений». СПб.: ВНИИМ им. Д.И. Менделеева, 1999.
10. Методы и средства судебно-экспертных исследований: учебник / А. А. Курин [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2011. С. 240.

© Кайргалиев Д. В., Васильев В. А., Курин А. А.,
Гладырев В. В., Печников Г. А., 2012

V. A. Fedorenko,

заведующий лабораторией образовательно-научного института наноструктур и биосистем Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат физико-математических наук, доцент;

M. V. Kornilov,

программист образовательно-научного института наноструктур и биосистем Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

E. V. Sidak,

программист образовательно-научного института наноструктур и биосистем Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, магистр по технике и технологии

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ
БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ
ЗА СЧЕТ ПРИМЕНЕНИЯ РАСТРОВОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ
И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В работе исследуются достоинства использования в автоматизированных баллистических идентификационных системах цифровых изображений, полученных с помощью растровой электронной микроскопии. Определены основные морфологические типы индивидуальных признаков оружия, отобразившихся на изображениях следов бойков. Рассмотрены различные алгоритмы обработки исследуемых цифровых изображений.

Ключевые слова: след бойка, следы на пулях, идентификация, сравнение признаков, индивидуальные признаки, автоматические баллистические идентификационные системы, растровый электронный микроскоп.

V. A. Fedorenko,

Head of the Laboratory of the Educational and Scientific Institute of Nanostructures and Biosystems of Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Candidate of Science (Physics and Mathematics), Associate Professor;

M. V. Kornilov,

Programmer of the Educational and Scientific Institute of Nanostructures and Biosystems of Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky;

E. V. Sidak,

Programmer of the Educational and Scientific Institute of Nanostructures and Biosystems of Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Master in Methods and Technology

**IMPROVEMENT OF EFFICIENCY
OF THE BALLISTIC IDENTIFICATION SYSTEMS' FUNCTIONING DUE
TO THE APPLICATION OF RASTER ELECTRON MICROSCOPY
AND DIGITAL TECHNOLOGIES**

The article focuses on the advantages of using digital images taken by means of raster electron microscopy in the automated ballistic identification systems. The authors determine the main morphological types of weapons' individual features displayed on the images of firing pin traces. Different algorithms of processing of the digital images being studied are considered.

Keywords: firing pin trace, traces on bullets, identification, comparison of features, individual features, automated ballistic identification systems, raster electron microscope.

Исследования цифровых изображений следов на пулях, полученных с помощью растрового электронного микроскопа (РЭМ), показали, что в некоторых следах содержится до 10 % трасс шириной менее 7—8 мкм. На рис.1 а, б представлено цифровое изображение фрагмента развертки вторичного следа, полученного на стандартной автоматизированной баллистической идентификационной системе (АБИС). Видно, что из-за слабой разрешающей способности системы трассы шириной 5—8 мкм слабо различимы при их компактном расположении. Методы цифровой фильтрации для выделения трасс в данном случае становятся неэффективными.

Кроме того, светлые участки трасс представляют собой неоднородные по яркости структуры. Это отрицательно сказывается на результатах корреляционного анализа сравниваемых следов, поскольку максимум функции кросс-корреляции в этом случае определяется не только количеством совпадающих трасс, но и их яркостью и неоднородностью.

Исследования структуры трасс, проведенные с помощью растрового электронного микроскопа (РЭМ), показали следующее. Причина неоднородной засветки обусловлена тем, что гребни трасс часто представляют собой микроскопические неоднородности в виде оплавлений металла оболочки пули, продуктов окисления, продуктов горения и т. д. (рис. 1 в). Видно, что микрон неоднородности представляют собой наиболее яркие участки трасс и располагаются они часто не на осевой линии гребня трассы.

Неоднородность каждой трассы по яркости может быть частично устранена, например, применением сглаживающих фильтров, ориентированных по направлению трасс. На рис. 2 а, б представлены изображения трасс, полученные

на электронном микроскопе до применения сглаживающего фильтра и после его применения. Видно, что изображения трасс стали более однородными и лучше пригодными для последующей операции бинаризации. Исследование следов на пулях с помощью корреляционного анализа показало, что бинаризация сравниваемых изображений необходима для исключения зависимости максимума функции кросс-корреляции от яркости сравниваемых цифровых изображений.

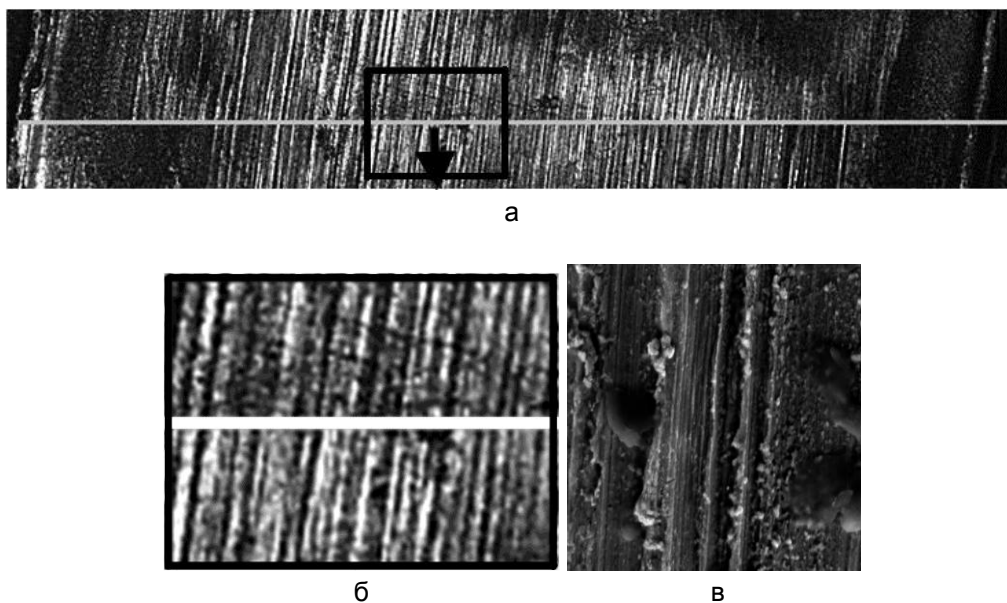

Рис. 1. Цифровое изображение фрагмента развертки вторичного следа:
а — развертка вторичного следа, полученная на АБИС;
б — увеличенное изображение фрагмента развертки, представленной на рис. 1 а;
в — цифровое изображение фрагмента вторичного следа, полученное
на растровом электронном микроскопе при увеличении 1 000 крат

Таким образом, по следам на пулях можно резюмировать следующее:

1. Применение оптических систем с разрешением хуже 2 мкм приводит к слабой дифференциации трасс шириной менее 7—8 мкм.
2. Неоднородность каждой трассы по яркости обусловлена физическими причинами и может быть существенно уменьшена путем применения анизотропных сглаживающих фильтров, ориентированных по направлению трасс.
3. Для устранения зависимости результатов корреляционного анализа от яркости следовых картин исходные изображения следует бинаризовать, например, методами адаптивной пороговой бинаризации.

4. Представляется перспективным применение в АБИС изображений следов на пулях, полученных на РЭМ при увеличениях 200—500 крат, что позволит более четко дифференцировать трассы шириной менее 7—8 мкм.

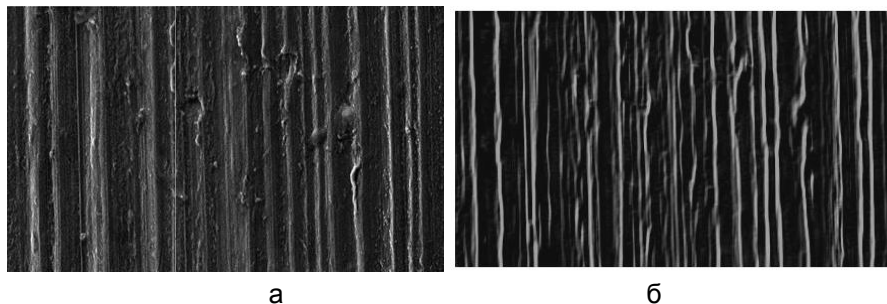

Рис. 2. Цифровое изображение фрагмента первичного следа, полученное на РЭМ:
а — до применения сглаживающего фильтра;
б — после применения сглаживающего фильтра

Исследование следов бойков

Для оценки перспектив совмещения возможностей стандартной баллистической идентификационной системы с разрешением 3,5 мкм и растровой электронной микроскопии были исследованы достоинства и недостатки цифровых изображений следов бойков, полученных на обеих системах. На рис. 3 а, б для сравнения представлены изображения парных следов, полученные на АБИС и РЭМ. Видно, что изображения, полученные на РЭМ, лучше по следующим характеристикам:

- высокая разрешающая способность;
- большая глубина резкости;
- более равномерное распределение яркости во всем диапазоне градаций серого;
- эффективное выделение резких границ топологических неоднородностей;
- меньшая зависимость изображений индивидуальных признаков от ориентации гильзы.

К недостатку сканирующего микроскопа можно отнести достаточно яркое выделение мелких неоднородностей на фоне менее контрастного выделения плавных топологических изменений микрорельефа следов бойков, что иногда существенно усложняет изображение.

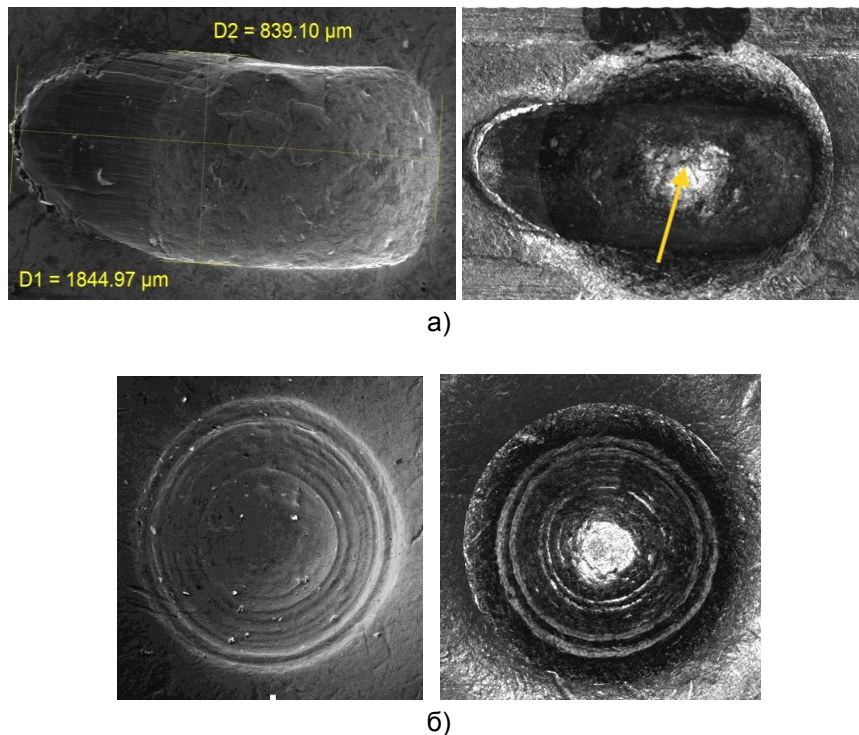

Рис. 3. Цифровые изображения следов бойков, полученные на растровом электронном микроскопе (левая колонка) и на автоматизированной баллистической идентификационной системе (правая колонка)

Отдельно следует отметить хорошие перспективы применения растровых микроскопов для получения качественных цифровых изображений трасс на дне гильзы, которые характерны для короткоствольного оружия с принципом запирания, основанного на качании ствола в вертикальной плоскости. Формирование трасс на дне гильзы происходит в более мягких условиях, чем на пулях, поэтому на них могут образовываться достаточно устойчивые трассы микронной ширины. В качестве иллюстрации на рис. 4 представлены изображения парных трасс, расположенных в следах бойка одного экземпляра пистолета «Глок-17». При увеличении 1200 крат видно, что парные трассы микронной ширины хорошо совпадают.

В целом можно отметить привлекательность цифровых изображений следов бойков, полученных на сканирующем микроскопе для идентификации оружия. Таким образом, функция использования в автоматизированных баллистических идентификационных системах изображений, полученных на сканирующем электронном микроскопе, является перспективной.

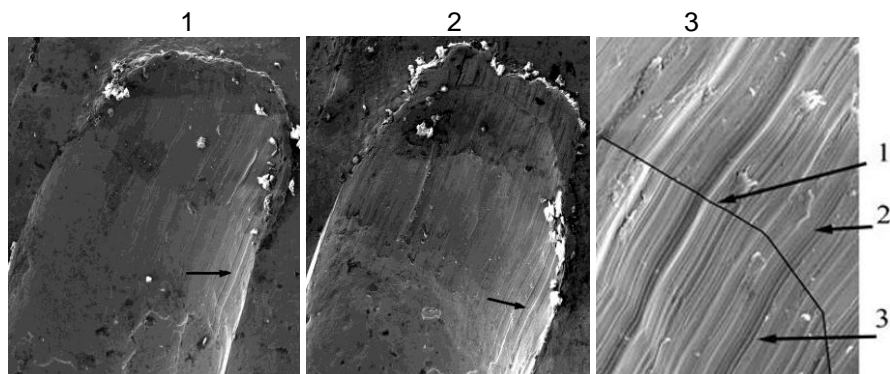

Рис. 4. Совмещение трасс микронной и субмикронной ширины в следах боя пистолета Глок-17: а, б — динамические части сравниваемых следов; с — совмещение микротрасс: 1 — линия совмещения; 2 — след на гильзе № 1; 3 — след на гильзе № 2

Классификация морфологических типов индивидуальных признаков следов бойков

Для определения эффективных алгоритмов выделения индивидуальных признаков были исследованы морфологические типы микрорельефов следов бойков. В целом удалось выделить 4 основных типа, на базе которых могут быть сформированы дополнительные комбинированные типы:

1. Следы боя с крупными неоднородностями микрорельефа и плавными изменениями яркости (рис. 5 а, б).
2. Следы боя с относительно мелкими топографическими неоднородностями микрорельефа (рис. 5 в).
3. Следы с признаками в виде контуров и топографическими неоднородностями с четко выделенными границами (рис. 5 г).
4. Признаки в виде трасс, расположенных в динамической части следов боя (рис. 5 д).
5. Комбинированные типы (комбинации основных типов, обычно не более двух).

Данная классификация позволяет ввести дополнительные групповые признаки и разбить массивы цифровых изображений следов бойков (в том числе и массивы следов одной модели оружия) на подклассы. Исследования выделения индивидуальных признаков на цифровых изображениях показали, что для каждого морфологического типа эффективным является свой алгоритм цифровой фильтрации.

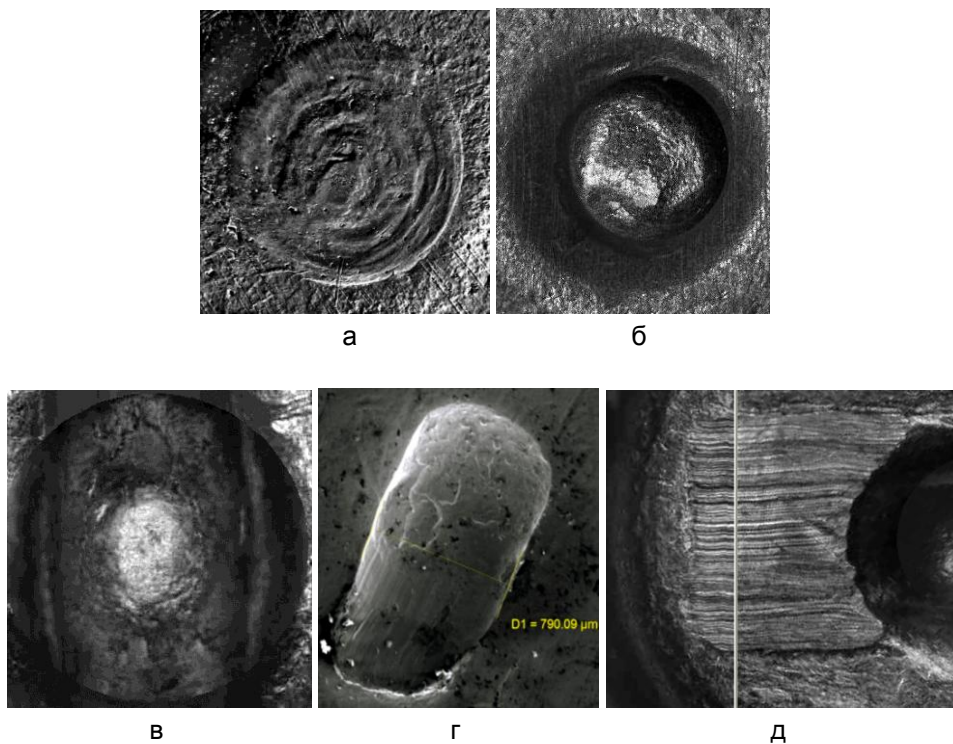

Рис. 5. Основные морфологические типы индивидуальных признаков на цифровых изображениях следов бойков: а, б — крупные неоднородности микрорельефа и плавные изменения яркости; в — относительно мелкие топографические неоднородности микрорельефа; г — признаки в виде контуров и топографических неоднородностей с четко выделенными границами; д — признаки в виде трасс, расположенных на дне гильзы

В качестве примера на рис. 6 а представлен результат применения алгоритма выделения индивидуальных признаков, представляющих собой контуры неопределенной формы (реализация в среде «Matlab»). В данном случае морфологической обработке было подвергнуто изображение следа бойка пистолета Глок-17. Представленный алгоритм включает в себя следующий набор фильтров: сглаживающий фильтр размерностью 21x21, фильтр Собела, сглаживающий фильтр размерностью 21x21, бинаризацию с адаптивным порогом, морфологическую эрозию, дилатацию. Этот же алгоритм был применен к изображению следа бойка с плавно изменяющимся рельефом (рис. 6 б). Оба изображения получены на сканирующем микроскопе. Видно, что в первом случае удалось принципиально упростить изображение без существенных искажений

индивидуальных признаков. Во втором случае применение этого же алгоритма привело к генерации шумов.

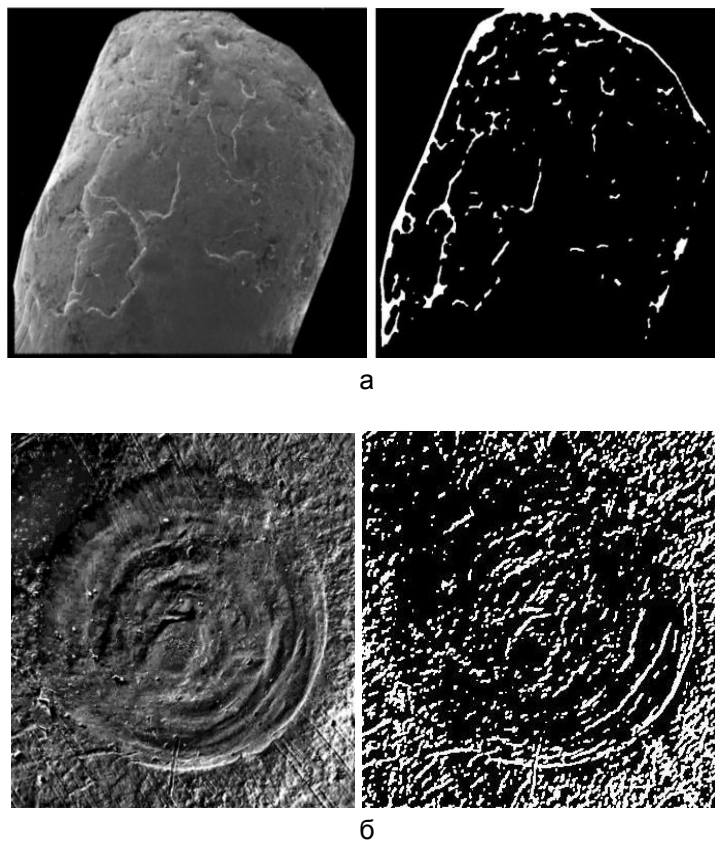
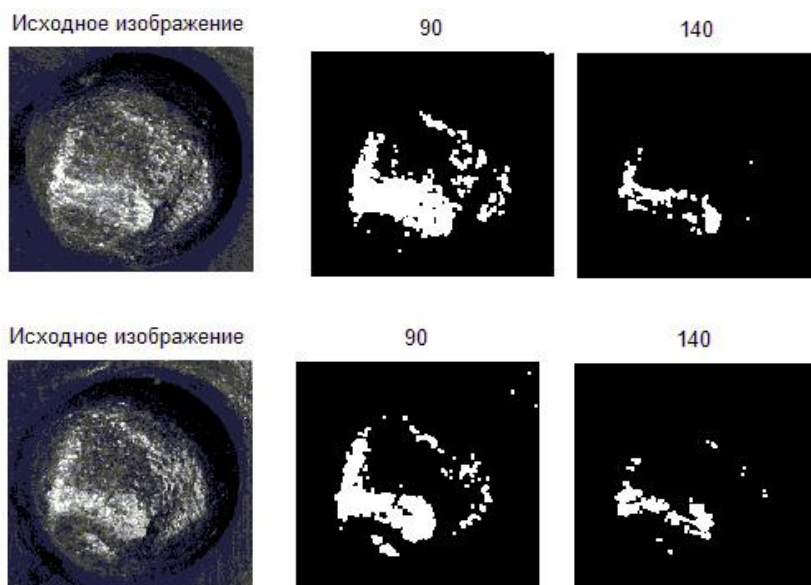
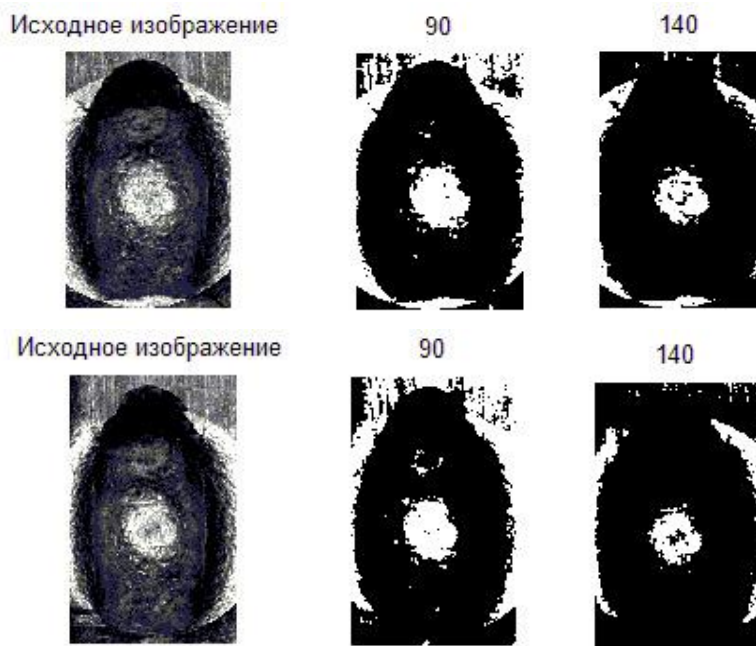

Рис. 6. Морфологическая обработка изображения следов бойка:
а — пистолета Глок-17; б — пистолета Макарова

Аналогичные эффекты можно наблюдать и для изображений, полученных на автоматизированных баллистических идентификационных системах. Например, бинаризация изображений по разным уровням яркости сохраняет признаки в следах АКМ (рис 7 а), но теряет их в следах бойка Глок-19 (рис 7 б). Последний алгоритм может быть реализован, например, следующей последовательностью фильтров: бинаризация исходных изображений по уровням яркости 90 и 140, морфологическая эрозия, морфологическая дилатация. Данная комбинация фильтров позволяет получить серии простых бинарных изображений исследуемых следов бойков, удобных для последующей автоматизации процесса сравнения.

а

б

Рис. 7. Морфологическая обработка изображений совпадающих следов бойков:
а — автомата Калашникова (АКМ); б — пистолета Глок-19

Таким образом, по следам бойков можно резюмировать следующее:

1. Функция использования в баллистических идентификационных системах изображений следов бойков, полученных на сканирующем электронном микроскопе, является перспективной.
2. Введение морфологических типов индивидуальных признаков позволит ввести дополнительные групповые характеристики следов бойков по их топологии.
3. Разработка алгоритмов фильтрации, адаптированных к морфологическим типам микрорельефов следов бойков, позволит более эффективно выделять индивидуальные признаки, а значит, более корректно проводить их сравнительный анализ.

© Федоренко В. А., Корнилов М. В., Сидак Е. В., 2012

Р. Р. Карданов,

старший преподаватель кафедры специально-технической подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации
сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД РФ,
кандидат юридических наук

**КОНЦЕПЦИЯ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ БАЗЫ СЛЕДОВ
ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ТЕРРОРИЗМОМ**

В статье сформулированы концептуальные основы разработки научно обоснованного подхода к формированию информационно-аналитической базы следов применения огнестрельного оружия для раскрытия и расследования преступлений, связанных с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, огнестрельное оружие, контртеррористическая деятельность, информационно-аналитическая база, баллистика, учеты.

R. R. Kardanov,

Senior Lecturer of the Chair of Special Technical Training
of the Northern Caucasus Institute of Advanced Training
of Officials of the Ministry of Interior of Russia, the branch
of Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law)

**CONCEPTION OF CREATION AND USE
OF THE INFORMATION AND ANALYSIS BASE OF TRACES
OF APPLICATION OF FIREARMS IN INVESTIGATION
AND CLEARANCE OF TERRORIST CRIMES**

The article focuses on the conceptual basis of development of the scientifically grounded approach to the formation of the information and analysis base of traces of application of firearms for clearance and investigation of terrorist crimes.

Keywords: terrorism, firearms, counterterrorist activities, information and analysis base, ballistics, records.

Тема терроризма уже не обладает новизной. Слово «терроризм» прочно вошло в нашу повседневную жизнь, вселяя беспокойство и озабоченность. Современный терроризм характеризуется резко возросшей технической оснащенностью, высоким уровнем организации, наличием значительных финансовых средств. Заметна динамика роста террористических групп в современном мире [1, с. 74—75].

По данным МВД РФ в январе—сентябре 2012 г. по стране зарегистрировано 500 преступлений террористического характера и 572 преступления экстремистской направленности [2]. Большинство из них совершено с применением огнестрельного оружия.

Выносимый на рассмотрение тезис на фоне глобальных проблем борьбы с терроризмом касается частных вопросов — использования методов криминалистики для раскрытия и расследования преступлений террористической направленности, которые совершались с использованием огнестрельного оружия.

В антитеррористической деятельности ярко выражен приоритет противостояния социально-аномальной среды и правоохранительных сил: от силового — к основанному на информационном превосходстве.

Это обусловлено тем, что особенностью нынешнего времени является переход от индустриального общества к информатизированному, в котором информация считается не менее важным ресурсом, чем материальные или энергетические.

Упреждающая информация может быть получена в основном путем использования методов и возможностей оперативно-разыскной деятельности с рациональным сочетанием технико-криминалистических средств и методов. Получение информации и ее всесторонний анализ составляет основу информационно-аналитической работы правоохранительных органов в ходе превентивных действий по пресечению террористической деятельности.

Одним из направлений такой деятельности может являться создание информационно-аналитической базы следов применения огнестрельного оружия в ходе осуществления террористических актов.

Сущность создания подобной информационной системы должна выражаться в сборе данных о конкретных экземплярах оружия, используемого террористами в ходе осуществления серий диверсий и террористических актов, характере перемещения этого оружия по месту, времени и решаемым задачам.

Предлагаемая база данных предназначена для контртеррористической деятельности прежде всего на Северном Кавказе и прилегающих к нему регионах.

Задачей будет являться сбор данных о конкретных экземплярах оружия, используемого террористами в ходе осуществления серий диверсий и террористических актов, а также об использовании этого оружия по месту, времени и решаемым задачам.

В ходе сбора и анализа информации относительно террористической деятельности решаются следующие основные задачи:

- построение логической схемы, связывающей отдельные информационные блоки;
- конструирование некоторой модели преступной деятельности, касающейся сферы терроризма;
- прогнозирование деятельности террористических формирований;
- обоснование потребности в недостающей информации;
- определение приоритетных направлений поиска новой информации.

Таким образом, вполне допустимо говорить о конкретном информационном обеспечении в решении следующих вопросов:

- выбор субъектов сбора информации, их компетенции;
- определение сроков, порядка и способов получения, фиксации, обработки и систематизации получаемой информации;
- анализ информации в рамках определенной процедуры с применением типовых методик и привлечением соответствующих специалистов;
- организация использования результатов анализа информации в практической деятельности правоохранительных органов в рамках оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

Систематизация информации является важнейшим элементом рассматриваемой базы данных, позволяющей эффективно собирать, хранить, извлекать, передавать и использовать необходимые сведения. Такая информационная система должна быть структурирована по отдельным направлениям, касающимся данных о лицах, предметах, событиях и процессах, которые в той или иной мере могут способствовать пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и розыску лиц, их совершивших. Указанная систематизация может быть реализована в виде автоматизированных информационно-поисковых систем, например «Досье», «Папилон», «Сонда», «Оружие» и др.

Субъектами сбора превентивной информации о террористической деятельности в большинстве случаев выступают оперативно-разыскные службы.

Объектом сбора указанной информации является не только среда и инфраструктура традиционно рассматриваемых социально-аномальных проявлений преступной деятельности, но и сфера религиозных, культовых (общинных) отношений, различного рода патриотических движений, полужакрытых молодежных и иных организаций.

Для пресечения преступления на стадии его подготовки необходимо располагать информацией о планируемом преступлении, лицах, участвующих в его подготовке. Такая информация, по нашему мнению, должна касаться данных о месте, времени, способе совершения преступления, связанного с терроризмом, а также о лицах, в той или иной мере участвующих в планировании и реализации преступления.

Источниками информационно-аналитической базы должны являться:

- стреляные гильзы (в отдельных случаях — пули) от огнестрельного оружия на местах столкновения с незаконными вооруженными формированиями и в местах совершения террористических актов;
- утраченное террористами в бою или при иных обстоятельствах огнестрельное оружие;
- данные, полученные от задержанных участников незаконных вооруженных формирований и террористических организаций.

Современные возможности судебно-баллистической экспертизы позволяют надежно и оперативно проводить идентификацию стреляных из огнестрельного оружия гильз и пуль. Отечественные компьютерные идентификационные системы типа «Кондор», использующие лазерные сканеры для получения сравнительных профилограмм поверхностей гильз и пуль, позволяют вносить в базы данных пулегильзотек до нескольких десятков объектов в час. Существующие средства и методы работы с пулегильзотеками, являющимися составными элементами криминалистических учетов, могут быть использованы для создания информационно-аналитической базы следов огнестрельного оружия, используемого террористами.

Обнаружение, фиксация, привязка к конкретным ориентирам и объектам следов применения огнестрельного оружия и дальнейший их сопоставительный анализ позволит решить широкий круг задач в интересах контртеррористической поисково-разведывательной деятельности:

- определение количественного состава террористов, участвующих в боевом бою;
- анализ состава вооружения террористической группы;
- определение построения боевого порядка террористов в ходе огневого боя (тактика действий головных походных застав и разведывательных дозоров,

места боевого охранения, засад, пулеметных и снайперских огневых точек, состав огневых расчетов, групп прикрытия и др.);

— анализ динамики перемещения огневых точек, сил нападения, прикрытия, отхода;

— определение отдельных групп огневых средств, действующих совместно при совершении нескольких террористических актов;

— определение ролей отдельных субъектов, вооруженных конкретными экземплярами оружия (командир, водитель, связист, сапер и т. д.).

Аналитическая работа с представленной базой данных позволит проводить анализ по выявлению совместных действий разных террористических формирований, исследовать хронологию серий террористических актов с применением одних и тех же экземпляров огнестрельного оружия, а также устанавливать их владельцев при задержании или уничтожении отдельных террористов.

Для реализации указанного замысла, кроме решения технических вопросов, особое внимание следует уделить организационным вопросам функционирования информационно-аналитической базы следов применения огнестрельного оружия в системе правоохранительных органов, участвующих в контртеррористической деятельности. База данных должна быть единая, межведомственная, организованная на основе интеграции специалистов экспертно-криминалистических подразделений, информационных центров и оперативно-аналитических структур правоохранительных органов.

Список библиографических ссылок

1. Даниленко Н. Н. О проблеме терроризма в Российской Федерации // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 74—75.

2. Официальный сайт МВД РФ. Раздел «Статистика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения: 15.10.2012).

© Карданов Р. Р., 2012

H. B. Ходякова,

начальник кафедры информатики и математики
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД ПОДГОТОВКИ КОМПЕТЕНТНЫХ ЭКСПЕРТОВ-КРИМИНАЛИСТОВ

В статье обсуждается новый вид педагогического проектирования процесса профессиональной подготовки экспертов-криминалистов — проектирование образовательных сред, развивающих рефлексивно-творческие аспекты компетентности выпускников.

Ключевые слова: компетентность, образовательная среда, средообразующая педагогическая деятельность.

N. V. Khodyakova,

Head of the Chair of Computer Science and Mathematics
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor

PROJECTING OF EDUCATIONAL ENVIRONMENTS OF COMPETENT FORENSIC EXPERTS' TRAINING

The author holds discussion on the new kind of pedagogical projecting of the process of forensic experts' occupational training that is the projecting of educational environments developing reflexive and creative aspects of graduates' competence.

Keywords: competence, educational environment, environment forming pedagogical activity.

Системы профессионального образования, помимо общекультурных, социальных и педагогических функций, реализуемых и другими образовательными системами, выполняют специфическую функцию подготовки компетентных специалистов. К сожалению, компетентностный подход в образовании, представленный в педагогической литературе результатами специальных исследований и государственными образовательными стандартами, не дает однозначного толкования феноменов компетентности и компетенции. Одни авторы считают, что компетентность — это готовность использовать усвоенные знания, умения

и навыки, а также способы деятельности для решения практических и теоретических задач (В. Д. Шадриков, Э. Д. Днепров). Другие под компетентностью понимают степень соответствия качеств выпускника требованиям выполняемой деятельности (В. А. Сластенин). Третьи компетентность интерпретируют как знание личностью существа выполняемой работы, связей и отношений, возникающих в трудовом процессе, способов решения профессиональных задач (В. И. Коваленко, П. Е. Решетников). Четвертые под компетентностью подразумевают форму существования и проявления опыта (Б. Д. Эльконин). Пятые — интегральную характеристику качества подготовки обучающихся (В. В. Краевский, А. В. Хуторской). Мы считаем наиболее целостными трактовки понятий «компетенция» и «компетентность», встречающиеся в работах В. В. Серикова (2012) и И. А. Зимней (2006), полагающих, что компетенции представляют собой потенциальные личностные знания, представления, программы деятельности, а также системы ценностей и отношений, а компетентность выступает результатом саморазвития индивида, его личностного роста и самоорганизации. Выявляя отличие компетентности от других видов готовности, В. В. Сериков пишет: «Специфика компетентности состоит в том, что в ней отражаются особенности той дидактической среды, в которой происходило обучение, а также того мастера, у которого обучался носитель компетентности» [1, с. 283].

Значимость влияния среды на подготовку компетентного специалиста осознают не только педагоги-исследователи, но и большинство педагогов-практиков и самих обучающихся. Как свидетельствуют результаты проведенного нами констатирующего эксперимента (2006, 2007), в котором приняли участие 877 студентов первых курсов, 458 студентов выпускных курсов, 180 преподавателей четырех колледжей и трех вузов Волгограда и Элисты, причины недостаточной эффективности образования его субъекты усматривают в проявлении примерно в равной степени личностных (51,5 %) и средовых факторов (47,7 %). При этом 127 педагогов отмечают негативное воздействие на процесс обучения дезорганизующих факторов макросреды, среды образовательного учреждения, неблагоприятного психологического климата в коллективе.

Итак, для подготовки компетентного специалиста нужно создать адекватную образовательную среду или образовательные среды. Но как их создавать? На каких методологических основаниях? В какой логике проектировать взаимодействие обучающегося с этими средами? Обратимся к результатам нашего исследования.

Проведенный нами анализ исторического опыта проектирования личностно развивающих образовательных систем, работ отечественных и зарубежных психологов показал, что образовательную среду можно моделировать как комплекс пространственно-временных условий обучения, условий психологической безопасности личности, стимулов ее саморазвития, процессуальных возможностей самореализации, источников ценностно-смыслового содержания обучения,

а логику взаимодействия обучающегося со средой моделировать в схематической последовательности: адаптация к условиям образовательной среды — самостоятельная предметная деятельность — продуцирование отношений к компонентам образовательной среды — практическое преобразование компонентов образовательной среды [2]. Применение построенных моделей в проектировании учебного процесса подготовки экспертов-криминалистов позволило нам выделить 4 типа развивающих ситуаций, через которые должен пройти будущий специалист, чтобы овладеть конкретной образовательной средой: 1) ситуация природной ориентировки; 2) ситуация деятельностной ориентировки; 3) ситуация ценностной ориентировки; 4) ситуация целостной ориентировки. Каждый из названных типов ситуаций характеризуют специфические развивающие качества среды: ее стимулы и возможности, содержательные компоненты [3].

Вузовский преподаватель, ставящий перед собой цель подготовить компетентного эксперта-криминалиста, т. е. специалиста грамотного, глубоко мотивированного на профессиональную деятельность, обладающего сформированной личностной позицией по отношению к своему профессиональному окружению, способного производить инновационные изменения в профессиональной среде, не сможет ограничиваться в своей педагогической деятельности только трансляцией учебной информации или демонстрацией правильных алгоритмов экспертно-криминалистической деятельности, т. к. эти задачи могут сегодня быть безболезненно переданы информационным технологиям. К тому же, с помощью объяснительно-иллюстративных методов можно сформировать представления, но не опыт, тем более опыт рефлексии и творчества. Проектируя профессиональную подготовку будущего эксперта-криминалиста как последовательность ситуаций его *развивающего* взаимодействия со средой обучения по своему предмету, педагог должен не столько писать планы занятий с едиными для всех курсантов данного потока вопросами и заданиями, сколько подбирать дифференцированные наборы средовых стимулов, возможностей и контекстов для групп курсантов, различающихся по степени сформированности ценностно-смыслового и креативного опыта. Деятельность такого педагога становится средообразующей. Вместо управления курсантами и их учебными действиями он управляет параметрами образовательной среды. И в этом управлении, средообразовании проявляется уже его компетентность, т. е. способность воплотить в среде обучения по своей дисциплине собственные профессионально-личностные убеждения и творческие замыслы.

Если на уровне одной предметно-образовательной среды нам удалось определить теоретические основания ее проектирования, то все еще остается неясным: как должно выглядеть средовое проектирование учебно-воспитательного процесса на протяжении всего периода обучения будущего эксперта-криминалиста с первого по пятый курс? По каким правилам должны меняться образовательные среды?

В условиях традиционного педагогического проектирования ответы на эти вопросы лежат в плоскости исторической логики развития науки: от единого синкретичного знания — к знанию, разделенному на отрасли и направления. Эта логика хорошо прослеживается в государственном образовательном стандарте по специальности «Судебная экспертиза». В разделе «Требования к результатам освоения основных образовательных программ подготовки специалиста» перечень компетенций приводится в такой последовательности: общекультурные, профессиональные, профессионально-специализированные. А в разделе «Требования к структуре основных образовательных программ подготовки специалиста» циклы широких предметных областей (гуманитарных, социально-экономических, естественно-научных) сменяются более профильным циклом профессиональных областей, а затем — циклами узких предметных областей конкретных специализаций, научно-исследовательской и производственной деятельности. Такая структура содержания подготовки наиболее соответствует традициям фундаментального отечественного образования и хорошо зарекомендовала себя для достижения цели формирования у будущих специалистов заданного стандартом объема знаний, умений и навыков. В случае же целевой ориентации образовательного процесса на формирование компетентного специалиста описанная логика не гарантирует приобретение будущим экспертом-криминалистом рефлексивно-творческого опыта, составляющего основу его компетентности.

Пытаясь на теоретическом уровне разрешить возникшую проблему, мы обратились к важнейшим функциям высшего образования. Образование на уровне вуза призвано выполнять двойственную миссию: с одной стороны, оно должно служить фактором экономического и научно-технического прогресса своей страны; с другой стороны, оно должно способствовать развитию специалиста как личности, утверждению его социальной и культурной сущности. Такая двойственная роль высшего образования, на наш взгляд, должна быть отражена в виде двух линий содержания образования: 1) фундаментальное (научное) освоение предметных сред; 2) социокультурное освоение коммуникативных сред.

Первая линия соответствует уже обсуждавшейся традиционной предметной профилизации обучения и состоит в последовательной и непрерывно углубляющейся фундаментальной подготовке будущего эксперта-криминалиста. Эта линия обеспечивает, прежде всего, профессиональную грамотность выпускника. Вторая линия призвана сформировать те компоненты компетентности, которые не входят в состав знаний, умений и навыков, т. е. личностные качества будущего специалиста: его мотивацию, приоритетные ценности, диалогичность и креативность.

Отметим, что задать такое содержание определенной структурой стандарта, учебного плана, программы обучения вряд ли удастся. Личностный опыт надпредметен, его формирование связано не столько с усвоением какой-

либо предметной информации и исполнением предметной деятельности, сколько с процессуальными аспектами обучения, средовыми условиями деятельности и коммуникации.

Если профильную подготовку эксперта-криминалиста моделировать как процесс его непрерывного взаимодействия со все более усложняющимися по составу и функциям, вложенными друг в друга предметно-деятельностными средами, то обучение, ориентированное на социальное и культурное развитие курсанта, напротив, можно представить себе как расширяющиеся средовые концентры, которые репрезентируют нарастающие связи и отношения будущего специалиста с социокультурными сообществами разного уровня — линия социализации (рис. 1). Становление компетентного выпускника, как нам представляется, — это двойственный процесс: углубления и профилизации его предметной подготовки, с одной стороны, и расширения и интеграции его социальных связей и отношений, с другой.

Оговоримся, что и в первом и во втором случае важным требованием является непрерывность в разворачивании учебного содержания, преобладание логик и методик реализации обеих линий.

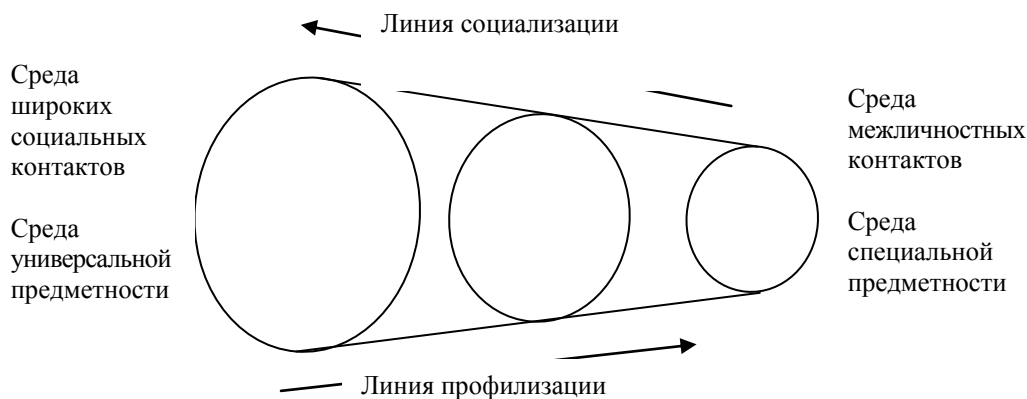

Рис. 1. Фрагментарность, эпизодичность, скачкообразность не дадут эффекта «генерализации» (С.Л.Рубинштейн), не приведут ни к формированию глубоких знаний и устойчивых умений в предметной области, ни к личностным новообразованиям

Предложенный принцип двух линий содержания образования может стать основой для классификации образовательных сред подготовки эксперта-криминалиста. Так, по линии социализации принципиальная последовательность различающихся образовательных сред может быть условно представлена в виде схемы: 1) среда двусторонней межличностной коммуникации «курсант — преподаватель»; 2) среда коммуникации «курсант — репрезентативная группа»; 3) среда максимально широких социокультурных контактов «курсант — профес-

сиональное сообщество экспертов-криминалистов». По линии предметной профилизации просматривается следующая схематическая классификация: 1) среда универсальной предметности, соответствующая определенной междисциплинарной научной отрасли; 2) среда конкретно-дисциплинарной предметности; 3) среда узкоспециальной предметности.

Отметим, что обе проектируемые линии содержания образования создают необходимую основу для формирования индивидуальных образовательных траекторий курсантов, так как ориентированы на свободный выбор будущим экспертом-криминалистом того или иного интересующего его профиля в предметной области и личностно репрезентативных партнеров по коммуникации.

Среды каждой из линий на практике почти всегда существуют не обособленно друг от друга, а в той или иной степени интегрируются. Так, среда предметной деятельности репрезентирует социальный опыт выполнения этой деятельности, коммуникацию с компетентными экспертами-профессионалами и т. п. А среда социальной коммуникации и взаимодействия всегда предметна и складывается по поводу какой-то проблемной информации. Наиболее показательный вариант такой предметно-коммуникативной интеграции — это среда практического взаимодействия субъектов, их совместной предметной или оценочной деятельности, выполнения совместных проектов.

Если модель выпускника факультета экспертов-криминалистов описывается через совокупность компетентностей, то каждой из них можно поставить в соответствие определенную среду, имеющую соответствующее предметное и социальное «измерения». Овладение этими средами в логической последовательности двух содержательных линий обеспечит достижение требуемых компетентностей.

Резюмируем наши рассуждения в виде выводов:

1. Традиционное проектирование процесса подготовки экспертов-криминалистов как последовательного изучения ими учебных предметов в логике научного познания решает задачи формирования знаний, умений и навыков выпускников, но демонстрирует ограниченность своих возможностей в развитии компетентности будущих специалистов. Подготовка компетентного эксперта-криминалиста должна сопровождаться педагогическим проектированием развивающих образовательных сред, во взаимодействии с которыми курсант сможет развивать свой рефлексивно-творческий опыт.

2. Принцип конструирования средового содержания профессиональной подготовки экспертов-криминалистов состоит в реализации двух линий: предметной профилизации, обеспечивающей когнитивную и предметно-деятельностную ориентировку будущего специалиста и социализации, междисциплинарной интеграции, оснащающих его ценностно-смысловую и целостную социокультурную ориентировку.

3. Сущность деятельности преподавателя вуза состоит в проектировании образовательной среды в соответствии с уровнем компетентности курсантов

и его собственной профессионально-личностной позицией, а специфической функцией педагогической деятельности является средообразующая, состоящая в целесообразном изменении параметров образовательной среды.

Список библиографических ссылок

1. Сериков В. В. Развитие личности в образовательном процессе: монография. М.: Логос, 2012.
2. Ходякова Н. В. Проектирование процесса развития личности учащегося в образовательной среде: исторический опыт и теоретико-психологические основания: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2012.
3. Ходякова Н. В. Развивающие образовательные ситуации в профессиональной подготовке эксперта-криминалиста // Судебная экспертиза. № 2 (30). 2012.

© Ходякова Н. В., 2012

Е. В. Давыдов,

начальник кафедры исследования документов
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;

В. Ф. Финогенов,

доцент кафедры исследования документов
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСПЕРТНОГО ПРОФИЛЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ГАБИТОСКОПИЯ И ПОРТРЕТНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ СТАНДАРТАМ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой специалистов по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» в условиях перехода к новым образовательным стандартам. Авторы статьи акцентируют внимание на значении активных и интерактивных форм и методов обучения в усвоении теоретических знаний и выработке практических навыков в контексте их будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: габитоскопия и портретная экспертиза, компетентность, образовательные стандарты.

E. V. Davydov,

Head of the Chair on Document Examination
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law);

V. F. Finogenov,

Associate Professor of the Chair on Document Examination
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law)

**PECULIARITIES OF TRAINING EXPERT SPECIALISTS
IN GABITOSCOPY AND PORTRAIT ANALYSIS
AT THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY
OF INTERIOR OF RUSSIA UNDER THE CONDITIONS
OF TRANSITION TO NEW EDUCATIONAL STANDARDS**

The article focuses on the issues of training specialists in gabitoscopy and portrait analysis under the conditions of transition to new educational standards. The authors emphasize the importance of active and interactive forms and methods of training for mastering theoretical knowledge and developing practical skills in the context of their future professional activities.

Keywords: gabitoscopy and portrait analysis, competence, educational standards.

Волгоградская академия МВД России (ВСШ МВД СССР, ВЮИ МВД РФ) является старейшим учебным заведением по подготовке экспертов-криминалистов, в том числе по специальности «Габитоскопия и портретная экспертиза». Подготовка специалистов по этой дисциплине на кафедре исследования документов ведется с 1975 г. Стоит отметить, что до 1996 г. ВА МВД России была единственным высшим учебным заведением в СССР, а затем в России, где готовили экспертов с высшим образованием, (в области традиционных криминалистических экспертиз). Выпускники получали диплом о высшем юридическом образовании и право производства криминалистических экспертиз. В среднем ежегодно выпускалось до 100 специалистов.

Подготовка специалистов по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» велась по государственным стандартам второго поколения (ГОС-2 ВПО), последняя примерная программа по специальности 030502.65 — «Судебная экспертиза» по дисциплине была утверждена ГУК МВД России и Департаментом образовательных программ и стандартов профессионального образования 14 декабря 2001 г. По этой программе учебные занятия по дисциплине проводятся и в 2012—2013 учебном году. Учебным планом на изучение дисциплины

предусмотрено 180 часов, из которых 120 часов — аудиторных занятий (лекции, семинары, практические занятия).

Основными задачами обучения курсантов по дисциплине в соответствии с этой программой являются:

- получение ими теоретических знаний научных основ идентификации личности по признакам внешности;
- изучение природы признаков внешнего облика человека и определения их идентификационной значимости (ценности) для установления тождества по фотоснимкам и другим объективным объектам;
- практическое освоение современной методики проведения портретных экспертиз и исследований;
- изучение и практическое освоение методики и тактики составления субъективных портретов по показаниям очевидцев с помощью современных компьютерных программ и информационно-поисковых систем, ведение габитоскопических учетов.

Уровень подготовки специалистов-криминалистов по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» всегда отвечал требованиям экспертной практики, что из года в год подтверждалось положительными результатами работы выпускников факультета экспертов-криминалистов.

Анализ экспертной практики свидетельствует о том, что в настоящее время происходит увеличение количество портретных экспертиз. Так, если в 2009 и 2010 г. слушателями академии с преддипломной практики на рецензирование было представлено соответственно 40 и 46 судебно-портретных экспертиз, то в 2012 г. таких экспертиз поступило 138. Из них более 65 % составляют экспертизы и исследования по цифровым объектам. Это связано с тем, что в последние годы средства видеоконтроля и наблюдения широко используются на территории Российской Федерации. Они располагаются в различных местах: в офисах компаний, магазинов, на предприятиях, банках, на улицах и площадях городов и сел.

Происходящие в российском обществе и системе МВД России глобальные изменения выдвигают новые требования к подготовке специалистов. В связи с этим одной из основных общенациональных задач является модернизация высшего профессионального образования. Одним из важнейших направлений модернизации отечественной системы образования является высшее профессиональное образование системы Министерства внутренних дел России. Проводящиеся в настоящее время модернизации высшего профессионального образования в Министерстве внутренних дел Российской Федерации направлены на подготовку специалистов по новым образовательным стандартам третьего поколения.

Новый стандарт представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ подготовки специалиста по специальности 031003 «Судебная экспертиза» [1]. Особенностью нового

стандарта является компетентностный подход. Компетенция — это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в области «Судебной экспертизы».

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности 031003 «Судебная экспертиза» сформулированы требования к уровню подготовки выпускников, содержащиеся в 6-м разделе «Знать, уметь, владеть».

Специалист по направлению подготовки 031003 «Судебная экспертиза» в соответствии Федеральном законом «О полиции» [2, с. 4] и ФГОС ВПО по направлению подготовки 031003 «Судебная экспертиза» [1] должен быть готов к следующим видам профессиональной деятельности: экспертной, технико-криминалистической, информационной, организационно-управленческой, организационно-методической, научно-исследовательской и профилактической.

Для осуществления этих видов профессиональной деятельности по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» специалист должен обладать следующими компетенциями:

1. Общекультурными (ОК):

— способностью действовать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, руководствуясь принципами законности и патриотизма (ОК-1);

— способностью понимать социальную значимость своей будущей профессии, цель и смысл государственной службы, выполнять гражданский и служебный долг, профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики, служебного этикета (ОК-5);

— способностью к логическому мышлению, анализу, систематизации, обобщению, критическому осмыслению информации, постановке исследовательских задач и выбору путей их решения (ОК-9);

— способностью креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи, проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, принимать оптимальные организационно-управленческие решения в повседневной деятельности и нестандартных ситуациях, нести за них ответственность (ОК-10);

— способностью применять естественно-научные и математические методы при решении профессиональных задач, использовать средства измерения (ОК-15);

— способностью работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, использовать в профессиональной деятельности компьютерную технику, прикладные программные средства, современные средства телекоммуникации, автоматизированные информационно-справочные, информационно-поисковые системы, базы данных, автоматизированные рабочие места (ОК-16).

2. Профессиональными (ПК):

В области экспертной деятельности:

— способность использовать научные знания теоретических, методических, процессуальных и организационных основ судебной экспертизы, криминалистики при производстве судебных экспертиз и исследований (ПК-1);

— способность применять методики судебных экспертных исследований в профессиональной деятельности (ПК-2).

В области технико-криминалистической деятельности:

— способность участвовать в качестве специалиста в следственных действиях, а также других процессуальных и непроцессуальных действиях (ПК-7).

В области информационной деятельности:

— способности вести экспертно-криминалистические учеты, принимать участие в организации справочно-информационных и информационно-поисковых систем, предназначенных для обеспечения различных видов экспертной деятельности (ПК-8).

В области организационно-управленческой деятельности:

— способности выявлять, распространять и внедрять передовой опыт использования научно-технических методов и средств в правоприменительной практике (ПК-14).

В области организационно-методической деятельности:

— способности консультировать субъектов правоприменительной деятельности по вопросам назначения и производства судебных экспертиз, а также возможности применения криминалистических методов и средств в установлении фактических обстоятельств расследуемых правонарушений (ПК-18).

В области научно-исследовательской деятельности:

— способности анализировать судебно-экспертную практику, научную информацию, отечественный и зарубежный опыт по тематике исследования (ПК-19);

— способности обобщать и формулировать выводы по теме исследования, готовить отчеты, публикации по результатам выполненных исследований (ПК-21).

В области профилактической деятельности:

— способности выявлять на основе анализа и обобщения экспертной практики причины и условия, способствующие совершению правонарушений, разрабатывать предложения, направленные на их устранение (ПК-22).

3. Профессионально-специализированной.

В результате изучения дисциплины «Габитоскопия и портретная экспертиза» курсант должен:

1. Знать: теоретические основы идентификации человека по признакам внешности; систему методов и средств габитоскопии; систему элементов и признаков внешности; методику проведения портретных экспертиз и исследований; методику составления словесных портретов; методику изготовления субъективных портретов; правила и приемы компьютерной обработки цифровой фото- и видеоинформации при производстве портретных экспертиз; функции и возможности программного обеспечения, предназначенного для производства портретных экспертиз и изготовления субъективных портретов; функции и возможности информационно-поисковых систем для ведения картотеки (учета) субъективных портретов разыскиваемых лиц.

2. Уметь: выявлять и фиксировать признаки внешности человека; оценивать воздействие различных факторов на изменение и достоверное отображение внешности человека на фотоснимках и видеоизображениях; проводить портретные экспертизы и исследования; применять при их производстве как традиционные, так и современные методы сравнения и оценки признаков внешности; составлять словесные и изготавливать субъективные портреты.

3. Владеть: средствами и методами выявления и фиксации признаков внешности человека; методикой производства портретных идентификационных и диагностических экспертиз и исследований; основами художественно-графического изображения лица человека; технологией составления словесных портретов; методическими основами изготовления субъективных портретов; тактикой изготовления субъективных портретов; навыками использования компьютерной техники в работе с графическими изображениями при производстве экспертиз (исследований) и изготовлении субъективных портретов.

На кафедре исследования документов Волгоградской академии МВД России разрабатывается новая примерная программа по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза». Разработку программы по дисциплине преподаватели кафедры планируют осуществлять в тесном сотрудничестве с ведущими специалистами ЭКЦ МВД России как основного заказчика по подготовке специалистов экспертного профиля.

В соответствии с новым образовательным стандартом по специальности «Судебная экспертиза» программа подготовки специалистов по дисциплинам, формирующим у обучающихся умения и навыки, должна включать более 60 % практических занятий. Таким образом, практическое занятие признается основным видом занятий, на котором приобретает большинство профессиональных и профессионально-специализированных компетенций в части владений и умений, закладываются и формируются основы квалификации специалиста данного профиля. Содержание этих занятий и методика их проведения должны обеспечивать развитие творческой активности личности. Такое занятие априори не может происходить в пассивном режиме.

Практическое занятие — метод репродуктивного обучения, обеспечивающий связь теории и практики. Оно представляет собой, как правило, занятие по решению различных прикладных задач конкретной дисциплины или блока дисциплин.

Основным целям практических занятий являются:

- систематизация, закрепление и углубление знаний теоретического характера;
- обучение приемам решения практических задач, способствовать овладению навыками и умениями выполнения и других видов заданий;
- привитие навыков работы с книгой, служебной документацией и схемами, использования справочной и научной литературы;
- формирование умения учиться самостоятельно, овладение методами, способами и приемами самообучения, саморазвития и самоконтроля.

В контексте достижения указанных целей преподаватели кафедры исследования документов Волгоградской академии МВД России при проведении практических занятий по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» используют разнообразные активные и интерактивные формы и методы обучения:

1. Применение практико-ориентированных методов в образовательном процессе позволяет эффективно преодолевать противоречия между теорией и практикой, снижает период «профессиональной адаптации» выпускников вуза, повышает заинтересованность и активность будущих специалистов на занятиях. Однако применение такого рода методов в образовательном процессе требует осторожности и должно учитывать специфику практической деятельности специалистов экспертного профиля.

На наш взгляд, моделирование различных экспертных ситуаций ведет к заиминанию алгоритма действий эксперта при производстве конкретных видов экспертиз. Однако смоделировать все возможные ситуации из будущей практической деятельности во время обучения невозможно, да и чувство ответственности за экспертный вывод у курсанта при таком подходе не формируется т. к. доказывать и обосновывать его нет необходимости, экспертиза готовится по выданному шаблону. В этом случае целью обучения должно стать побуждение будущего специалиста к творческой деятельности, стремлению не только познать, выявить, обосновать, но и доказать свой вывод. В процессе изучения дисциплины «Габитоскопия и портретная экспертиза» у курсантов должно вырабатываться желание самостоятельного практического применения полученных в ходе изучения теоретических знаний, введения в актив применяемых техник собственной деятельности.

2. Работа в малых группах. Учебная группа делится на 4 подгруппы в каждой 4—6 человек. Групповая форма работы, коллективное обсуждение решаемых задач формирует у курсантов умение четко формулировать свои мысли, применять профессиональную терминологию в сочетании с грамотным владением устной речью, слышать и воспринимать аргументы оппонента, корректно и обоснованно вести научный спор. Работа в коллективе развивает, с одной стороны, самостоятельность и индивидуальную ответственность, с другой — дисциплинированность, организованность и сотрудничество.

3. Применение исследовательского метода. При подготовке будущих экспертов-криминалистов активно используется метод исследования, при котором каждому из обучаемых выдаются индивидуальные объекты для проведения самостоятельного производства экспертиз. В целом этот метод является положительной практикой обучения. Минусом является то обстоятельство, что наряду с объектами у курсантов имеются и образцы заключений по изучаемой теме (шаблоны). И все, что необходимо обучаемому в данной ситуации, это провести исследование объектов и вставить свои данные в готовый шаблон.

Для преодоления указанного недостатка следует проводить контрольные экспертизы в форме деловой игры, где перед каждым курсантам будет стоять

задача не только производства экспертизы и составления заключения эксперта, но и отстаивания полученных результатов перед своими сокурсниками, учитывая принцип состязательности в уголовном судопроизводстве. Такая форма проведения занятий позволяет достигнуть основных целей обучения и воспитания необходимых индивидуальных качеств и компетенций будущего специалиста.

4. *Подготовка курсантами докладов, рефератов и выступление с ними на семинарских и практических занятиях с использованием средств мультимедиа.*

5. *Применение кейс-метода (разбор конкретных практических ситуаций).*

6. *Использование преподавателями средств мультимедиа — мультимедийные сопровождения лекций, семинарских и практических занятий.*

7. *Использование компьютерных программ для составления субъективных портретов.*

Для активизации творческой активности курсантов, установления обратной связи в процессе проведения практического занятия могут использоваться и другие формы и методы активного обучения, например привлечение к практическим занятием экспертов-практиков; использование натуральных коллекций, образцов заключений экспертов.

Эффективность занятий по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза» во многом будет зависеть от умелого сочетания активных форм проведения занятий и современных информационных технологий. Занятия, построенные по нетрадиционной форме обучения, являются основным видом занятия по дисциплине «Габитоскопия и портретная экспертиза», при этом опыт их проведения показывает, что курсанты проявляют повышенную активность в течение всего занятия.

В заключение необходимо отметить, что новый образовательный стандарт создает новую модель выпускника — компетентностную. Эта модель не может формироваться одной или даже несколькими учебными дисциплинами. Она формируется только в процессе органического единства всего учебного и воспитательного процесса высшего учебного заведения.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении и введении в действие Федерального Государственного Образовательного Стандарта Высшего Профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031003 Судебная экспертиза (квалификация (степень) «специалист») [Электронный ресурс]: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 40 от 17 января 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс.

2. О полиции: федер. закон. М.: Омега-Л, 2011.

© Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф., 2012

Е. Р. Россинская,

директор Института судебных экспертиз,
заведующая кафедрой судебных экспертиз
Московской государственной юридической академии
им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ — ПРОФЕССОРЕ Р.С. БЕЛКИНЕ

E. R. Rossinskaya,

Director of the Institute of Forensic Examination, Head
of the Chair on Forensic Examination of the Moscow State Law Academy
n.a. O. E. Kutafin, Doctor of Science (Law), Professor

MEMORIES OF MY FATHER PROFESSOR R.S. BELKIN

11 июля 2012 г. исполнилось 90 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора, почетного академика Российской академии естественных наук, почетного члена Болгарского научного общества судебных медиков и криминалистов; лауреата премии Фонда Кангера (Германия), генерал-майора милиции Рафаила Самуиловича Белкина. Значение деятельности Р. С. Белкина для развития отечественной криминалистики, других юридических наук трудно переоценить, его вклад в теорию и практику поистине огромен.

Рафаил Самуилович Белкин родился 11 июля 1922 г. в г. Чернигове. Его отец — Белкин Самуил Рафаилович, 1885 г.р. — был из бедной еврейской семьи, которая жила в городе Почипе. Он не имел возможности учиться, и в графе образование всегда писал самообразование, хотя был очень умным и начитанным человеком. Самуил Рафаилович рано потерял мать, семья была большая, а жила очень бедно, и он начал работать с малых лет, трепал пеньку в артели, где производили веревки и канаты. Впоследствии в советское время он был уже большим специалистом в своем деле и работал технологом на производстве пеньки, часто его привлекали и в качестве эксперта по этой продукции.

Мать Рафаила Самуиловича, Эскина Ида Хононовна, происходила из более зажиточной семьи. Она родилась в г. Конотопе, где закончила гимназию и поступила на физико-математический факультет Высших женских курсов в Киеве.

**К ЮБИЛЕЮ
БЕЛКИНА РАФАИЛА САМУИЛОВИЧА**

Там в она в первый раз вышла замуж и родила дочь. Но в стране была гражданская война, голод. Однажды, пока она ходила на рынок обменять какие-то вещи на продукты (а в городе тогда хозяйничали петлюровцы), произошел еврейский погром. Ида вернулась домой, но ее муж Гриша и грудная дочь были растерзаны озверевшей толпой.

Она долго болела, и отец увез ее домой в Конотоп. Там она познакомилась с Самуилом Белкиным и через два года в 1921 г. вышла за него замуж. Семья переехала в г. Чернигов, где в то время работал Самуил Рафаилович Белкин, затем в Орел. В 1925 г. Белкины переехали в Москву и поселились в доме 4/40 на Бахметьевской улице (сейчас улица Образцова).

Ида Хононовна опять пошла учиться в вуз и, получив высшее экономическое образование, работала сначала в плановом отделе завода «Красный металл», а затем начальником планового отдела на заводе «Борец».

Детство Рафаила Белкина (дома его звали Алик) прошло в Марьиной роще. В положенное время он поступил в среднюю 242 школу г. Москвы, где и познакомился со своей будущей женой Генриетой Тейтельбаум, потом его, правда, перевели в другую, 243 школу, но знакомство уже состоялось. Они оба окончили школу в 1940 г. с золотыми медалями и хотели вместе поступать в Московский энергетический институт, но Рафаила призвали в Красную армию, а Генриета поступила в МЭИ.

В 1941 г., когда началась война, она была мобилизована и вместе с другими студентами рыла окопы, а потом работала на заводе «Борец». В октябре 1941 г. институт был эвакуирован в Уфу. Генриета училась там, а в марте 1943 г. вернулась в Москву вместе с институтом. Мать Рафаила Самуиловича всю войну была в Москве и работала на заводе «Борец», отец — Самуил Рафаилович, которому в 1941 г. было уже 56 лет, с 1941 по 1943 гг. был в Ташкенте, куда эвакуировали производство, на котором он тогда работал.

Рафаил Самуилович, как уже отмечалось выше, в 1940 г. был призван в Красную армию — в 11-й полк связи 25-й армии Дальневосточного округа. Поскольку красноармеец Р. С. Белкин окончил 10 классов (а таких в армии было тогда еще немного), в феврале 1941 г. его направили учиться на курсы младших политруков. 3 июля 1941 г. курсантов в связи с военным положением выпустили досрочно, присвоив им воинские звания «младший политрук». Р. С. Белкин получил назначение на должность заместителя командира минометной роты по политчасти 113-го стрелкового полка 32-й Краснознаменной Саратовской стрелковой дивизии 25-й армии, а затем был переведен на должность секретаря редакции дивизионной газеты «В бой за родину» формировавшейся на Дальнем Востоке 415-й стрелковой дивизии, в составе которой в октябре 1941 г. выехал на фронт под Москву.

В начале ноября 1941 г. дивизия вступила в бои под Серпуховом, Малоярославцем, Медынью и Юхновом, активно участвуя в обороне, а затем и в наступлении под Москвой.

Р. С. Белкин прошел в пехоте всю Великую Отечественную войну с 1941 по 1945 гг. Рафаил Самуилович воевал под Москвой и Ржевом, на Смоленщине и Курской дуге, принимал участие в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Варшавы, взятии Берлина. 2 мая 1945 г. 415-я Краснознаменная ордена Суворова Мозырская стрелковая дивизия вышла на Эльбу, где встретилась с союзническими войсками.

За боевые заслуги Рафаил Самуилович был награжден двумя орденами Великой Отечественной войны, двумя орденами Красной звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другими. Впоследствии был удостоен многих отечественных и иностранных государственных наград, в том числе ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

На войне он продолжал писать стихи и нередко посвящал их своей будущей жене Генриете Лазаревне Белкиной. Она окончила МЭИ в 1946 г. и много лет занималась рентгеноспектральным анализом цветных металлов и разработкой рентгеновской аппаратуры в различных КБ и НИИ.

5 марта 1946 г. они поженились, и Рафаил Самуилович увез молодую жену в Германию, где он тогда служил. Вместе они прожили 55 счастливых лет.

До июля 1946 г. Р.С. Белкин проходил службу в Группе советских оккупационных войск в Германии, а в августе 1946 г. был принят по конкурсу на учебу в Военно-юридическую академию Советской армии, которую и окончил с золотой медалью в начале 1951 г.

Именно там, по собственным словам Рафаила Самуиловича, в кружке криминалистики А. И. Винберга — его будущего научного руководителя — начался путь Р. С. Белкина в криминалистику.

По окончании Академии в 1951 г. с золотой медалью Р. С. Белкин хотел продолжить заниматься наукой и поступить в адъюнктуру, но пресловутый 5 пункт и происходившая тогда сталинская компания «по борьбе с безродными космополитами» ему помешали. Он был направлен на службу в военную прокуратуру 42-й воздушной армии Бакинского округа ПВО, где до конца 1955 г. служил военным следователем, старшим военным следователем, помощником военного прокурора армии по надзору за дознанием и предварительным следствием. Именно в те годы накапливался практический опыт, послуживший впоследствии основой его теоретических и методических построений.

За 2,5 года, обучаясь в заочной адъюнктуре Военно-юридической академии под руководством профессора А. И. Винберга, он досрочно в начале 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Осмотр места происшествия. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты».

**К ЮБИЛЕЮ
БЕЛКИНА РАФАИЛА САМУИЛОВИЧА**

В 1955 г. Р.С. Белкин переходит на службу в органы внутренних дел. С этого момента вся его жизнь неразрывно связана с Высшей школой, впоследствии Академией МВД СССР. Он долгие годы руководил кафедрой криминалистики, несколько лет был заместителем по научной работе начальника Московского филиала юридического института заочного обучения, вновь руководил кафедрой уже специального факультета Академии. Выйдя в отставку в 1985 г., он до 1988 г. заведовал отделом теории Всесоюзного НИИ судебных экспертиз МЮ СССР. В начале 1988 г. министр внутренних дел СССР предложил Р. С. Белкину вернуться на работу в Академию МВД СССР, и с тех пор он работал в должности профессора кафедры криминалистики, а затем криминалистического обеспечения деятельности ОВД.

Через семь лет после защиты кандидатской диссертации в 1961 г. Рафаил Самуилович подготовил и в совете Всесоюзного института юридических наук защитил докторскую диссертацию на тему «Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике», где им было определено значение экспериментального метода исследования для судопроизводства и его место в системе методов криминалистики. Официальными оппонентами были член-корреспондент Академии наук СССР М. С. Строгович, профессора С. П. Митричев и С. И. Тихенко, неофициальным — член-корреспондент Академии медицинских наук СССР М. И. Авдеев. Защита диссертации, несмотря на острую критику соискателя профессором М. С. Строговичем по поводу «выхода на место с обвиняемым и свидетелем», что оппонент считал «глубоко ошибочным и незаконным приемом», по общему признанию, прошла великолепно. В 1963 г. Р. С. Белкину было присвоено ученое звание профессора, а в 1976 г. он стал заслуженным деятелем науки.

Рафаил Самуилович прошел большой путь, и каждый этап этого пути был ознаменован выходом фундаментальных монографических трудов. Так, его монография «Теория и практика следственного эксперимента» вышла в 1959 г. накануне принятия нового УПК РСФСР (1960), в который впервые вошло следственное действие — следственный эксперимент.

Занимаясь далее проблемами эксперимента в уголовном судопроизводстве, в монографии «Эксперимент в следственной судебной и экспертной практике» (1964 г.) Р. С. Белкин рассматривает эту тему в расширенном плане общей теории познания, что обусловило логический переход к проблемам познания, связанным с вопросами доказывания. В 1966 г. он пишет книгу «Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы», в которой было положено начало методологии отечественной криминалистики. С выходом этой работы изложение методов криминалистики в монографической и учебной литературе получило прочную научную основу и уже не ограничивалось главным и фактически единственным в те годы методом марксистско-ленинского диалектического материализма. Продолжением этой темы стал и следующий большой

труд Р. С. Белкина (в соавторстве с его учителем профессором А. И. Винбергом) «Криминалистика и доказывание» (1969).

С конца 60-х годов XX в. начала формироваться научная криминалистическая школа профессора Р. С. Белкина. В основе этого нового научного направления лежала философская концепция отражения как гносеологического фундамента криминалистической науки. Здесь уместно провести определенную параллель с теорией криминалистической идентификации: эмпирически идентификация, отождествление как практическая задача, решалась уже на самом раннем этапе развития криминалистики ее пионерами — А. Бертильоном, Р. А. Рейссом, Г. Гроссом, Е. Ф. Буринским и др. Однако теоретические начала идентификации были сформулированы значительно позднее, через полвека, С. М. Потаповым, когда возникли необходимые для этого философские, гносеологические предпосылки. Точно так же обстоит дело и с универсальным свойством отражения, которое эмпирически использовалось криминалистами в самых различных областях криминалистической науки и практики — и в теории идентификации, и в почерковедении, и в трасологии, баллистике, и в тактике следственных действий и т. п. Но о теории отражения как гносеологическом фундаменте криминалистической науки и ее практических приложений впервые было заявлено Р. С. Белкиным в его вышедшем в 1970 г. фундаментальном для современной криминалистики труде «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики».

В соответствии с господствующими в те годы стереотипами, когда одного — двух сделанных В. И. Лениным в своих работах замечаний оказывалось достаточно для провозглашения очередной «ленинской» теории или принципа, Р. С. Белкин вынужденно назвал свою исходную концепцию «ленинской теорией отражения», хотя никакой подобной теории В. И. Лениным создано не было. В. И. Ленину действительно принадлежит гениальная догадка: в самом фундаменте материи лежит свойство, близкое к свойству ощущения — свойство отражения. Но эта догадка использовалась В. И. Лениным не для построения специальной теории отражения, а для того, чтобы показать, что человеческое познание, как отражение действительности, дает о ней лишь приблизительное представление. Оказалось, что эти философские положения наилучшим образом объясняют сам предмет криминалистики, ее задачи и роль ее практических приложений. Руководствуясь ими, а также современными представлениями о предметах частных наук, Рафаил Самуилович в 1967 г. сформулировал новое представление о предмете криминалистики, которое затем уточнил и конкретизировал в своих последующих работах.

Это определение легло в основу предложенной Р.С. Белкиным (в упомянутой работе 1970 г.) концепции общей теории криминалистики, полностью базирующейся на философском понятии отражения, поскольку, по его мысли, такая теория представляет собой именно научное отражение предмета криминали-

стической науки в его различных связях и опосредствованиях. Общая теория как система мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов, как научное отражение всего предмета криминалистики, служит методологической основой криминалистической науки.

В 1977—1979 гг. вышел в свет первый в отечественной науке фундаментальный 3-томный «Курс советской криминалистики», до сих пор не имеющий аналогов по глубине и широте охвата проблем. В курсе получили дальнейшее развитие положения общей теории криминалистики, такие ее разделы, как учение о методах, систематике и языке криминалистики, учение о признаках и др. Формируются основные положения частных криминалистических теорий: теории причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, криминалистического прогнозирования, временных связей и отношений и т.п.

Идеи и концепции курса получили дальнейшее развитие в работах Р. С. Белкина в 1986—1988 гг. (Общая теория советской криминалистики — 1986; Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Т. 1, т. 2. 1987, 1988). В этих трудах Р. С. Белкин детально разрабатывает общую теорию криминалистики, в особенности такие ее разделы, как учение о методах, систематике и языке криминалистики, а также формулирует основные положения ряда частных криминалистических теорий: криминалистической теории причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, криминалистического прогнозирования, выдвигает идею разработки криминалистической теории временных связей и отношений и др. Им выявлены и описаны законы развития криминалистики в аспекте общих законов развития научного знания. Предложено пополнить структуру криминалистики еще одним, четвертым разделом — общей теорией науки.

В последующие годы Р. С. Белкин уделил большое внимание исследованиям концептуальных основ криминалистической тактики (Очерки криминалистической тактики, 1993 г.), таким ее категориям, как тактический прием и тактическая комбинация, следственная ситуация, фактор внезапности и др. (Фактор внезапности, его учет и использование в расследовании преступлений, 1995 г.). Значительным событием в жизни юридической общественности явилось издание Р. С. Белкиным «Криминалистических энциклопедий» (1993, 1997, 2000 гг.), Словаря-справочника по криминалистике (1999 г.). Вышли в свет 2-ое и 3-е издание «Курса криминалистики», дополнившие его новыми материалами, имеющими не только научную, но и практическую направленность. Уникален его труд «История отечественной криминалистики» (1999).

Разработка тактических комбинаций неразрывно связана с решением этических проблем криминалистики и уголовного судопроизводства в целом. В трудах Р. С. Белкина неоднократно поднимается вопрос о допустимости обмана как средства психического воздействия. Он полагал, что господствующая в профес-

сиональной следственной этике официальная концепция аморальности обмана признается лишь на словах, но практические работники повсеместно прибегают к его использованию. Р. С. Белкин призывал открыто признать, что и государство считает допустимым обман в правоохранительной сфере, поскольку узаконило оперативно-разыскную деятельность, во многом основывающуюся на дезинформации, обмане как средстве выявления и раскрытия преступлений. Однако, допуская возможность обмана, Р. С. Белкин ограничивал его пределы строго определенными рамками (Криминалистика. Проблемы сегодняшнего дня, 2001).

Р. С. Белкин не был консерватором в науке и живо откликнулся на все новое. Как указывал он сам в предисловии к 3-му изданию «Курса криминалистики» (2001), «развитие криминалистической науки за прошедшее двадцатилетие потребовало изменения прежних взглядов на ряд ее узловых проблем, известной переоценки существовавших и оценке новых концепций и теорий, прослеживания новых тенденций развития». Так, в последние годы он обосновал необходимость изменить мнение о природе криминалистики и предложил рассматривать ее как науку синтетической природы, а не как науку юридическую, о чем подробно говорится в третьем последнем издании «Курса криминалистики» 2001 г.

Работы Р. С. Белкина послужили основой для формирования его научной школы. Его определение предмета криминалистики, порой с коррективами и редакционными изменениями, не касающимися его сущности, было принято научной общественностью и авторами практически всех учебников по криминалистике последнего времени. На базе предложенной им концепции общей теории криминалистики выполнены и защищены докторские диссертации А. А. Закатовым «Криминалистическое учение о розыске» (1987), учениками Р. С. Белкина — Г. Г. Зуйковым «Криминалистическое учение о способе совершения преступлений» (1970), Л. Г. Горшениным «Основы теории криминалистического прогнозирования» (1993), В. М. Мешковым «Основы криминалистической теории временных связей» (1995), А. М. Кустовым «Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления» (1997), С. Н. Чуриловым «Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений», Н. Н. Лысовым «Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации» (1997); С. А. Ялышевым «Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы» (2000). Многочисленные ученики Р. С. Белкина (под его научным руководством подготовили и успешно защитили кандидатские и докторские диссертации 120 его учеников, среди них 23 доктора наук, профессора), использовали его исходные гносеологические, методологические и практические идеи и конструкции в своих монографиях, пособиях и диссертациях.

Р. С. Белкин много лет был членом Экспертного совета ВАК по юридическим наукам, диссертационных советов Академии управления МВД, Российского фе-

дерального центра судебных экспертиз при МЮ РФ, Казахского НИИ судебных экспертиз, Воронежского госуниверситета.

Концепция предмета и общей теории криминалистики, понятие частных криминалистических теорий, сформулированные Р. С. Белкиным, были восприняты и использованы в докторских диссертациях В. Ф. Орловой, Н. П. Майлис, В. А. Образцова, И. А. Возгрин, Н. Г. Шурухнова и др. На базе общей теории криминалистики и учения о методах этой науки сформулировали свои концепции общей теории судебной экспертизы и учения о методах этой теории и практической экспертной деятельности Т. В. Аверьянова и Е. Р. Россинская, они были использованы в докторских диссертациях И. А. Алиева, С. Ф. Бычковой, Е. И. Майоровой и их монографиях.

Концепция общей теории криминалистики Р. С. Белкина сыграла известную роль в разработке М. К. Каминским и его последователями деятельностного подхода к процессам подготовки и совершения преступлений, с одной стороны, и раскрытия и расследования их — с другой. В работах Г. А. Зорина, В. П. Бахина, Н. С. Карпова и других авторов получили развитие перспективные идеи Р. С. Белкина, касающиеся тактического решения, тактического риска, роли практики в развитии криминалистической теории и многие другие. Научная криминалистическая школа Р. С. Белкина в наши дни — одна из ведущих научных школ криминалистической науки. Высок авторитет многочисленных представителей этой школы и ее основателя.

Р. С. Белкин был по натуре прирожденным педагогом, вдумчивым и знающим преподавателем, блестящим лектором, преподавателем, что называется, милостью божьей. Его лекции и выступления обычно собирали большие аудитории слушателей, нередко приходивших на конференции или криминалистические чтения именно для того, чтобы послушать его содержательную, яркую и остроумную речь. За 45 лет педагогической деятельности он воспитал не одно поколение замечательных специалистов в области криминалистики, оперативно-разыскной деятельности, судебной экспертизы, выступал в различных университетах, институтах и академиях страны, читал лекции в Берлинском, Софийском, Пражском и других зарубежных университетах, в Институте уголовной полиции Китая.

Р. С. Белкиным в соавторстве и под его редакцией написано 23 учебника по курсу «Криминалистика» для высших и средних специальных учебных заведений (последний учебник «Криминалистика» под ред. Р. С. Белкина, изданный издательством «Норма», выдержал уже три издания); пособия для следователей, экспертов и судей и более 200 научных статей. Многие работы Р. С. Белкина издавались на немецком, английском, венгерском, польском, чешском и болгарском языках. Среди них: «Следственный эксперимент» на немецком языке, 1961; советско-болгарский учебник «Криминалистика», 1972; советско-чехословацкий

учебник «Криминалистика» в 3-х томах, 1985; «Основы криминалистики» на английском языке, 1986; и др.

Профессор Белкин оставил нам более 300 научных трудов, индекс цитирования которых один из самых высоких среди ученых-криминалистов. Причем сфера его интересов не ограничивалась только криминалистической наукой. В своих работах он уделял большое внимание проблемам доказывания по уголовным делам и другим проблемам уголовно-процессуального права. Ссылки на работы Р. С. Белкина можно найти практически в любой научной работе, посвященной оперативно-разыскной деятельности.

Кроме всего прочего, Рафаил Самуилович был талантливым публицистом, популяризатором своей любимой науки. Одной из сторон его многогранного таланта был дар простым и понятным языком говорить о весьма сложных вещах. Несколько поколений будущих юристов узнали о криминалистике из таких его книг, как «Ведется расследование»; «Не преступи черту» (1976), «Репортаж из мастерской следователя» (1998). Он написал даже «Криминалистический букварь» (1997) для школьников младших классов.

Несомненно, богатое творческое наследие профессора Р.С. Белкина еще долго будет объектом пристального изучения российских и зарубежных криминалистов, и они в своих научных изысканиях будут идти по намеченным им путям.

© Россинская Е. Р., 2012

**КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
CONTACT INFORMATION**

Васильев Василий Алексеевич
Vasiliev Vasily Alexeevich
E-mail: v-vasiliev@inbox.ru

Гладырев Вадим Вячеславович
Gladyrev Vadim Vyacheslavovich
E-mail: VAD-431@mail.ru

Давыдов Евгений Васильевич
Davydov Eugeny Vasilievich
E-mail: dawydov@yandex.ru

Закатов Александр Алексеевич
Zakatov Alexander Alekseevich
(8442) 54-76-59

Кайргалиев Данияр Вулкаиревич
Kayrgaliev Daniyar Vulkairevich
E-mail: danchem@mail.ru

Карданов Руслан Рейзаевич
Kardanov Ruslan Reyzaevich
E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

Корнилов Максим Вячеславович
Kornilov Maksim Vyacheslavovich
E-mail: kornilovmv@gmail.com

Кочубей Андрей Владиславович
Kochubey Andrey Vladislavovich
8-904-772-96-47 E-mail: krimtehnika@mail.ru

Курин Алексей Александрович
Kurin Alexey Alexandrovich
E-mail: AAKyrin@mail.ru

Курин Григорий Иванович
Kurin Grigory Ivanovich
E-mail: popovded@rambler.ru

Овсянников Игорь Владимирович
Ovsyannikov Igor Vladimirovich
E-mail: ivover@mail.ru

Печников Геннадий Алексеевич
Pechnikov Gennady Alexeevich
8-909-394-85-24

Попов Андрей Игоревич
Popov Andrey Igorevich
E-mail: popovded@rambler.ru

Россинская Елена Рафаиловна
Rossinskaya Elena Raphaelovna
8 (499) 244-86-08 E-mail: elena.rossinskaya@gmail.ru

Сидак Елена Владимировна
Sidak Elena Vladimirovna
E-mail: sidakel@googlemail.com

Смотров Сергей Александрович
Smotrov Sergey Alexandrovich
E-mail: smsa2009@yandex.ru

Третьяков Юрий Владимирович
Tretyakov Yury Vladimirovich
8-918-437-14-05 E-mail: uriiopc2008@rambler.ru

Федоренко Владимир Александрович
Fedorenko Vladimir Alexandrovich
E-mail: Fed77@yandex.ru

Финогенов Владимир Федорович
Finogenov Vladimir Fedorovich
E-mail: finogenov@list.ru

Ходякова Наталья Владимировна
Khodyakova Natalia Vladimirovna
8-917-748-51-90

Шебанов Петр Вячеславович
Shebanov Peter Vyacheslavovich
E-mail: ivexpert70@mail.ru

Шумигай Иван Николаевич
Shumigay Ivan Nikolaevich
E-mail: s.yanin1@yandex.ru

Янин Сергей Александрович
Yanin Sergey Alexandrovich
E-mail: s.yanin1@yandex.ru

**ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА».
ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ**

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-47195.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: преподавателей, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, иных образовательных учреждений, а также сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

Приоритетными задачами издания являются:

— ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;

— анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;

— представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;

— организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществления профессиональной подготовки судебных экспертов.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессиональной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) членами редакционного совета журнала по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию.

К каждой рукописи автором прилагается рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России. Рецензентами в данном случае могут выступать лица, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук и научное звание доцента или профессора, либо руководители подразделений государственных органов или общественных организаций, чья деятельность непосредственно соответствует тематике статьи. В отдельных случаях — при возникновении необходимости экспертной оценки статьи специалистом-практиком — к рецензированию могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, судов, организаций и учреждений, чья профессиональная деятельность соответствует тематике статьи, направляемой на рецензирование.

С каждым автором заключается договор о передаче неисключительных прав на использование редакцией предоставляемых им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на предоставляемое произведение (бланк на сайте).

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Материалы в журнале размещаются по следующим рубрикам:

- «Организационно-правовые аспекты судебно-экспертной деятельности и использования специальных знаний в судопроизводстве».
- «Проблемы теории и практики судебных экспертиз и исследований».
- «Информационные технологии в судебно-экспертной деятельности».
- «Профессиональная подготовка судебных экспертов».
- «Страницы истории судебной экспертизы».
- «Научная дискуссия и обмен опытом».

Объем статьи не должен превышать 12-ти машинописных страниц.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер — 14. Поля на странице: слева и снизу — 25 мм, сверху — 20 мм, справа — 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат — TIFF или JPEG, режим — градиент серого или битовый, разрешение — 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не более 450 знаков, включая пробелы);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Для подписчиков журнала перевод на английский язык осуществляется сотрудниками академии бесплатно.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, Ф.И.О. руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте (**c-expertisa@yandex.ru**);
- рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидат или доктор наук и научным званием доцент или профессор соответствующего научного профиля);
- подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте академии. Договор подписывают все авторы статьи).
- копия подписной квитанции.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Все документы можно представить лично либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Волгоградская академия МВД России.

Редакция журнала «Судебная экспертиза».

Шведовой Наталье Николаевне.

E-mail: c-expertisa@yandex.ru

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте
antiplagiat.ru

*Гонорар за публикации не выплачивается,
статьи публикуются на безвозмездной основе.
В переписку по электронной почте редакция не вступает.*